ПИРЯТИНСКАЯ ПРЕМИЯ IX

Эта Премия создана в память об учителе, который проработал в красном здании на 2-й Пугачевской всю свою жизнь. Предлагаем вашему вниманию тексты, выдвинутые на соискание Общественной премии имени Ю.Б. Пирятинского за 2021 год в номинации «Русская словесность».

На фото (слева направо): в первом ряду сидят – Кристина Фадекова, Алёна Салтыкова, Варвара Яновская, Яна Будилович; во втором ряду – Варвара Кузнецова, Анна Калюжная, Анна Чумакова, Александра Купецкая, Григорий Кузьмичев, Мария Веруш, Давид Айзенберг, Валентин Звонников, Алексей Анисимов, Максим Костин, Дмитрий Трубчик

Всего и надо, что вглядеться…

Всего и надо, что вглядеться, – боже мой,
всего и дела, что внимательно вглядеться, –
и не уйдешь, и никуда уже не деться
от этих глаз, от их внезапной глубины.

Всего и надо, что вчитаться, – боже мой,
всего и дела, что помедлить над строкою –
не пролистнуть нетерпеливою рукою,
а задержаться, прочитать и перечесть.

Мне жаль не узнанной до времени строки.
И все ж строка – она со временем прочтется,
и перечтется много раз, и ей зачтется,
и все, что было в ней, останется при ней.

Но вот глаза – они уходят навсегда,
как некий мир, который так и не открыли,
как некий Рим, который так и не отрыли,
и не отрыть уже, и в этом вся печаль.

Но мне и вас немного жаль, мне жаль и вас,
за то, что суетно так жили, так спешили,
что и не знаете, чего себя лишили,
и не узнаете, и в этом вся печаль.

А впрочем, я вам не судья. Я жил как все.
Вначале слово безраздельно мной владело.
А дело после было, после было дело,
и в этом дело все, и в этом вся печаль.

Мне тем и горек мой сегодняшний удел –
покуда мнил себя судьей, в пророки метил,
каких сокровищ под ногами не заметил,
каких созвездий в небесах не разглядел!

Юрий Левитанский

И это все о нем…

Именно о таких людях говорят – человек-легенда. Действительно, историй и баек – устных и записанных – о Юрии Брониславовиче Пирятинском сохранилось великое множество

Его нет с нами уже почти 10 лет. Давно окончили школу те, кто когда-то учился у него, те, кто сталкивался с ним на переменах. Нынешние старшеклассники еще только собирались пойти в первый класс, когда его не стало. Но он живет в благодарной памяти многих. Мы публикуем выдержки из воспоминаний тех, с кем ему довелось работать, дружить, кому повезло учиться у Пирятинского…

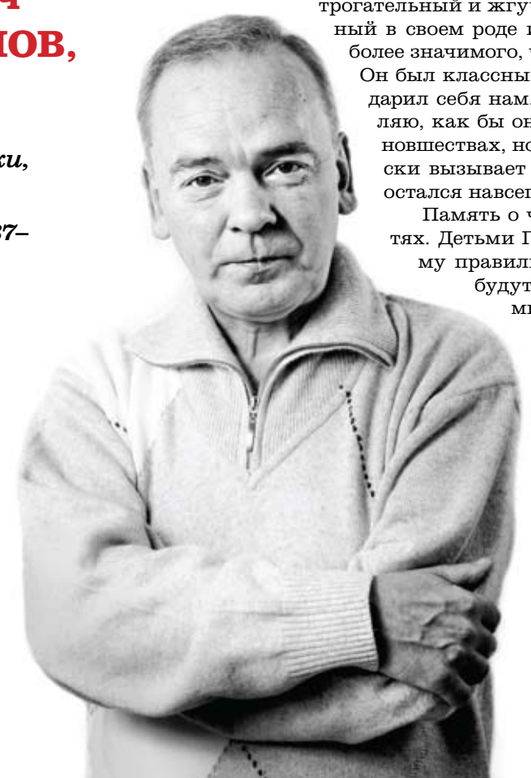
Григорий Борисович ШАНДАЛОВ,
директор школы № 1505, учитель физики, замдиректора гимназии в 1987–2019 годах, учредитель Премии

Близкий и очень родной

Когда говорят, что время лечит, все-таки лукавят. Мы вспоминаем его очень часто: и заходя в учительскую или 21-й кабинет, проходя мимо его фотографии на первом этаже, на редких дружеских посиделках. Мы очень часто его цитируем, очередной раз восхищаясь емкими и едкими, оригинальными и остроумными его фразочками. Он часто занимался микропедагогикой, и его отсутствие в этой части жизни нашей гимназии не находит замены. Приходят новые ученики, новые учителя, которые слушают наши байки о нем, а нам кажется странным: как это можно не знать нашего Брониславовича? Каждый его день рождения мы раздаем конфеты всем обитателям гимназии. Мы ежегодно вручаем Премию его имени. Мы хотим сохранить память о нем. Наверное, в мировых масштабах он не сделал ничего великого. Он просто был с нами. Вот такой: близкий и очень родной, трогательный и жгучий, не похожий ни на кого, уникальный в своем роде и стиле. В его жизни не было ничего более значимого, чем наша школа и все с ней связанное. Он был классным Учителем. Он умел дружить, щедро дарил себя нам. Я, честно говоря, с трудом представляю, как бы он ощущал себя сегодня во всех наших новшествах, но одна мысль о Пире у электронной доски вызывает улыбку. Он ушел очень рано… Но он остался навсегда в наших сердцах.

Память о человеке живет прежде всего в его детях. Детьми Пирятинского была вся школа. Поэтому правильно, что в памяти тех детей, которые будут иметь какое-то отношение к его фамилии благодаря Пирятинской премии, он будет жить долго…

Те, кто будет удостоен этой Премии, могут не знать Пирятинского и даже не слышать о нем ничего. Но гимназический дух, который для многих из нас связан с именем Юрия Брониславовича, будет жить в этих стенах до тех пор, пока эта Премия будет существовать. И это, наверное, единственный правильный способ сберечь память о нем как о человеке, равных которому в истории этой школы, на мой взгляд, не было.



Светлана ГОНЧАРОВА,
выпуск 1985 года, учредитель Премии

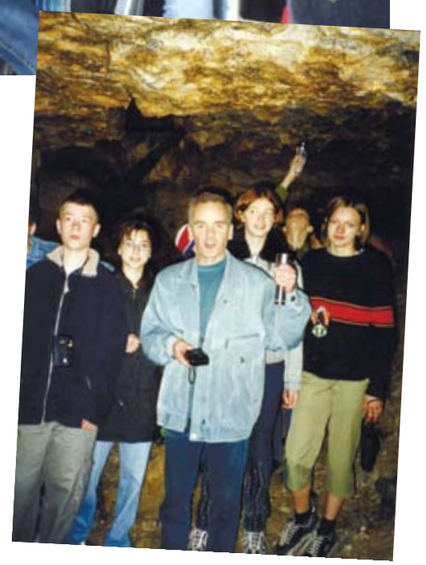
Его боялись и боготворили

Пирятинского любили и ненавидели, боялись и боготворили. Но что может быть большей благодарностью учителю, чем сочинение, написанное в седьмом классе на свободную тему «Мой друг» не очень успевающим учеником (орфография, пунктуация и стилистика автора сохранены). По-моему, Юрий Брониславович даже не поставил своему ученику оценку, при этом сам получил высшую…

«Юрий Брониславович – стройный элегантный мужчина 27 лет. Он среднего роста, симпатичный внешностью, умный. Носит простые брюки, пышный свитер с длинным рукавом. И доблеска начищенные ботинки. Руки у него опрятные. Юрий Брониславович бывает и сердитым и добрый. Когда с ним разговариваешь и в этот момент никто не сердит, то идет все как по маслу и кажется что он "божий человек". Но когда доходит дело до его предмета и если кто-нибудь не выучит его, то он начинает сердиться, хмурится, выходит из себя.

"Его глаза сияют. Лик его ужасен.

Он прекрасен. Он весь как божия гроза"».



Дмитрий ШЕСТАКОВ,
выпуск 1985 года

«Когда закончится этот бардак?!»

Готовили мы, как обычно, последний звонок, день за днем репетировали, по вечерам засиживались допоздна. Ближе к ночи в зал с чайником в руке заходил Юрий Брониславович и грозно вопрошал нас: «Когда закончится этот бардак?!» На самом деле причина такого интереса к нам была очевидной. Он в то время, как и много лет спустя, работал «ночным директором», и мы мешали ему уйти на заслуженный ежедневный (скорее, ежевечерний) отдых. И вот после очередного вмешательства в репетиционный процесс наш классный руководитель Анатолий Георгиевич Каспржак, руководивший также и нашими репетициями, решил, что Пирю надо спародировать! Придумали пародию, нашли для нее место в сценарии, репетнули, получилось вроде смешно… Конечно, Пирятинский об этом узнал.

Иду по школе, навстречу Пиря: «Шестаков, за мной!» Я думаю: «Все! Попал!» Заводит в класс: «Ну показывай, скотина, что ты вчера вытворял!» Я говорю: «Юрий Брониславович, я так не могу, мне чайник нужен!» – «Пошли!» Заводит он меня в столовую, дает чайник, выгоняет поваров: «Показывай!» Ну я и показал! Он посмотрел и сказал: «Фигляр!» И пошел… Мне показалось, что он улыбался…

Людмила Фроловна ИВАНОВА,
учитель обществознания, замдиректора гимназии № 1505 в 1994–2004 годах

Он играл в строгого учителя

Как сейчас помню его удивительную способность делать приятное. То карандашик – удивительно тонко заточенный, то какая-нибудь мелочь, но очень вовремя, очень кстати. Про баночку соленых грибочков, сделанную им самолично в его знаменитой деревне, – это отдельная песня, незабываемая.

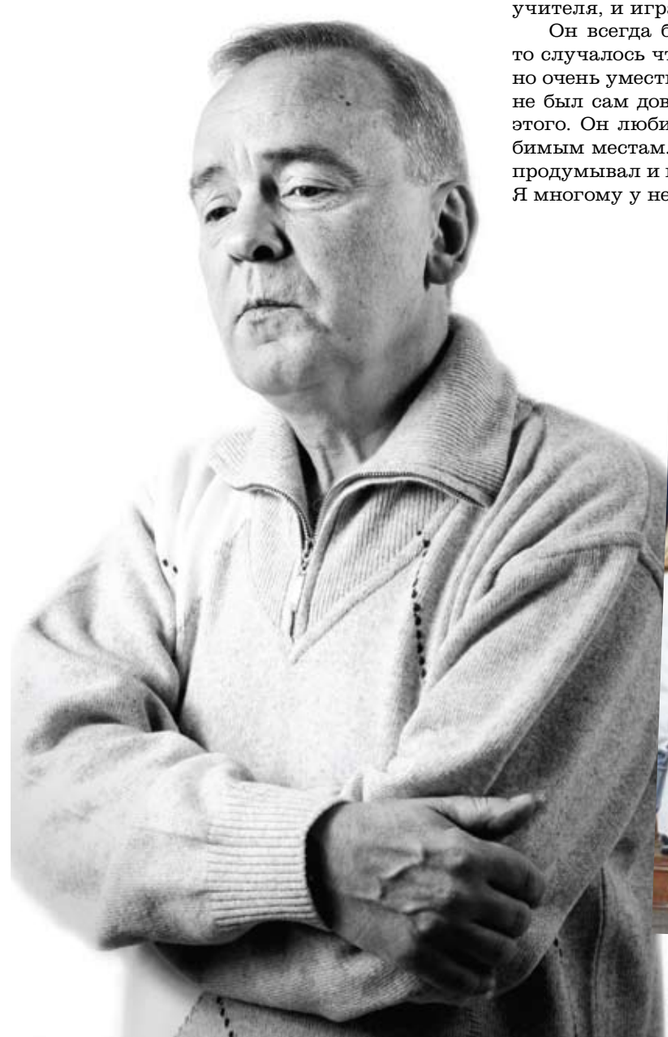
По большому счету это черта настоящего интеллигента – не доставлять неудобств и вовремя оказываться рядом, как бы невзначай. Он, конечно, был неординарным интеллигентом. Внешне порой грубоватый, он никогда не подставлял никого – ни учеников, ни коллег. Ему можно было доверить секрет. Его юмор был порой едким, но всегда тонким.

Он умел ценить и чужой юмор. А ворчание его было беззлобным, хотя на учеников он действовал как змей на кроликов. Но с ним дружили и самые отпетые из прошлой 388-й, и самые-самые из 1505-й, особенно после того как становились старше и мудрее.

Он помогал, вроде бы не участвуя и даже внешне изображая противника разных новаций. Он намеренно подчеркивал свой учительский традиционализм, будучи действительно хранителем традиций – очень нужных в вихрях тогдашнего новаторства и реформаторства.

Одни только его удивительные оценки (колы с немыслимым количеством минусов) дорогого стоили. Ему не хватало пятибалльной системы для выражения своего негодования от невежества или небрежности. Он, конечно, перебарщивал, он, конечно, увлекался. Это была его большая игра большого ребенка. Он играл в строгого учителя, и играл очень увлеченно и талантливо.

Он всегда был в курсе всего, что происходило. И если у кого-то случалось что-то плохое, он был неподалеку, помогал незаметно, но очень уместно и очень талантливо. Знал он очень много, никогда не был сам доволен и стремился узнать еще больше, не афишируя этого. Он любил путешествовать, возил свои классы по своим любимым местам. Всегда тщательно готовился, до самых мелочей все продумывал и предвидел и очень забавно суетился по этому поводу. Я многому у него училась, сама себе не отдавая в этом отчета.



Матвей ГЕЛЛЕР,
выпуск 1985 года, учитель истории, замдиректора гимназии № 1505 в 1994–1999 годах, учредитель Премии

Ни одной фальшивой ноты!

Дело было в далеком 1983-м. Строгий педсовет в 17-м кабинете определял, кому учиться в девятом классе, а кому оставить «красную альма-матер». Шансы у меня, мягко говоря, невелики (тот еще ученик был!). Моя классная руководительница весомо, с высоты руководства парторганизацией школы предлагает Геллеру дальше свои таланты реализовывать вне ее стен.

И вот когда я уже мысленно попрощался с… со всем, что мне тогда было дорого, Юрий Брониславович (оччень напряженно вглядываясь в классный журнал) начинает речь. И говорит тихо, даже немного вкрадчиво о том, что мальчик-то не такой уж потерянный для школы. Все знают о его увлечении историей (многократно подтвержденном М. В. Левитом) и географией (И. М. Колондадзе энергично кивает), он активно занимается в кружке краеведения (А. Г. Липкинд многозвучно поддерживает), но главное – совершенно сознательно просится в педагогический класс к А. Г. Каспржаку, где таким, как он, самое место.

Я до сих пор не знаю, была тогда эта сцена срежиссирована или это был экспромт. Но если бы вы знали, какой это был класс исполнения!!! Ни одной фальшивой ноты!

Почему этот Человек так дорог мне? Возможно, поэтому – ни одной фальшивой ноты! Все в нем – естественно человеческое: и плохое, и хорошее. Все по-честному: и любовь, и ненависть. Человек без фальши, хранитель секретов нашего детства, первых и последних звонков, аттестатов и шпаргалок, турслетов и трудовых лагерей, поздних репетиций и опозданий на уроки, хранитель чайника и Матильды, первый и единственный Домовой нашего общего Дома.

Екатерина МУСИХИНА
(в школе – ЖУРАВЛЕВА), выпуск 2000 года

Совмещение несовместимого

Все в этом человеке было необычно и потому хорошо и быстро запоминалось. Его необычные отчество и фамилия. Его голос. Предмет, который он преподавал: мужчина – и вдруг учитель русского языка! Его 21-й кабинет, в котором никогда не бывало солнца: одни окна, кажется, выходили на север, другие – на северо-запад. Его «каморка» – так называли маленькую лаборантскую, примыкающую к его кабинету, в которой он, как нам сначала казалось, буквально жил. То, что он к тому же охранял школу ночью… А еще Матильда – угольно-черная кошка, которую все звали Мотя и которая совершенно беспрепятственно разгуливала по школе и периодически вынашивала котят. Совмещение несовместимого: грозный преподаватель и его необыкновенно ласковая и ручная черная кошечка. Одним словом – Человек-загадка.

Таким он и предстал нам, пятиклашкам далекого 1993 года. Мы, даже не зная его лично, очень побаивались Юрия Брониславовича. Да и как не побаиваться, если ходили слухи о строгом нраве этого человека. Наши мальчишки, слонявшиеся на переменах по третьему этажу, пару раз получали от Ю. Б. «короткие выговоры», после которых тут же наступало затишье, все говорили уже вполголоса и вообще без особой нужды на третий этаж идти не хотелось… Даже в старших классах хотелось как можно быстрее миновать опасную зону, проходя по которой во время урока можно было услышать, как Юрий Брониславович отчитывает своих подопечных. Хотелось проскользнуть, чтобы не быть замеченными, не попасть под горячую руку…

Мне кажется, Пирятинский хорошо знал, какие слухи ходят о его грозном и строгом нраве, и потому мысленно (да, собственно, и на словах) все время посмеивался над нами, словно бы говоря: «Что, боитесь? Правильно! Правильно!»

Думаю, что школьная цензура не пропустит весь словесный ряд афоризмов Юрия Брониславовича, но об одном опусе я все же расскажу.

Помню, как-то раз Юрий Брониславович «инструктировал» нас по поводу очередной диспансеризации. Сказать, что это было весело, – ничего не сказать! У нас чуть не лопнули животы от смеха. Особенно когда он обратился в свойственной только ему манере, с совершенно невозмутимым видом к одному из моих одноклассников с наставлением, как нужно готовиться к сдаче анализов: «Только, пожалуйста, не надо ставить олимпийских рекордов! Не надо брать трехлитровую банку! Найдите себе емкость поменьше!» Класс, естественно, просто «лежал»…

И в этом был весь Пирятинский!

Андрей БАЛИНСКИЙ,
выпуск 1998 года

«Кушают водку!»

Незабываемое объяснение эмоциональной окраски глаголов: мы повторяли безвкусное слово «кушать» и густо окрашенное «жрать». Не то чтобы я теперь всегда говорю «жрать», скорее стараюсь заменять его другими – правда, тоже окрашенными, но не так сильно – синонимами, но вот употреблять в речи пресное «кушать» после того урока уже никогда не хотелось. «Кушают водку!» – любил повторять он в ответ на очередную попытку использовать это «трактирное», по его мнению, слово в рассказе о приеме пищи.

Ю. Б. любил речь, богатство языка и физически морщился, когда мы показывали себя Эллочками-людоедками, которая, как известно, ограничивалась тридцатью «придирчиво выбранными ею из всего великого, многословного и могучего русского языка» словами. Смею думать, что любовь к неожиданному хлесткому слову Ю. Б. передал всем нам. Быть точными в описаниях, оперировать подходящими нешаблонными словами, быть нетривиальными и небанальными – все это воспитывал в нас Ю. Б. Он не ленился достать с полки этимологический словарь, не ленился – наоборот, любил – делать выписки, порой довольно обширные, из полюбившихся ему книг…

Зера ЧЕРЕШНЕВА
(в школе – КУКУТИДЗЕ),
выпуск 2008 года

Лучший учитель на свете

Все началось со страха, недоверия, дискомфорта, гнева, обиды и сопротивления. Непростая градация чувств к самому важному учителю в жизни. У него было несколько выразительных взглядов, которые мы считывали молниеносно. Самый популярный назывался «Что здесь происходит?»: после него все движения прекращались, разговоры умолкали и все делали вид, что этого эпизода не было. Другой – «Как ты посмел, вошь презренная…» – применялся к определенному провинившемуся. После этого взгляда нужно было смотреть в пол и слушать строгий выговор, не пытаясь оправдаться.

Он не был идеальным учителем. Беспощадно давил авторитетом, знал слабые места каждого, мог нажать, щедро ставил единицы. Да что уж там, моей соседке по парте, ныне близкой подруге, он как-то поставил жирный ноль с криком: «Вы необучаемы!!!» В общем, жуткие вещи творил с точки зрения гуманности. Видел всех насквозь. Родители его за это уважали, мы – боялись.

В девятом классе воспитательный период закончился, строгий родитель ослабил железную хватку. Надо отдать ему должное, вся дурь из голов к тому моменту уже выветрилась. С тех пор всегда и во всем он был на нашей стороне, и с ним нам было море по колено: пропущенные по неясным причинам уроки, проблемы с физкультурой, неловкие моменты в отношениях с родителями… Пиря мог уладить все, и мы этим нагло пользовались. Поездки, посиделки, разговоры в каморке, жизненные советы, бесценные моменты – одним словом, счастье. Ушли из школы с чувством, что встретили лучшего учителя на свете…

Остались сотни нерассказанных историй, тысячи несказанных «спасибо», с десяток праздников, на которые мы могли бы прийти к нему. Его дни рождения, на которые по традиции дарили бы что-то безумное, чтобы его удивить, а потом просто нужное, чтобы у него все было хорошо.

Постоянно мучает ощущение, что мы что-то не успели для него сделать, что-то упустили. Он для нас сделал все.

Анатолий Георгиевич КАСПРЖАК,
учитель физики с 1977 года, директор школы № 388, затем – гимназии № 1505 в 1986–2001 годах

Это был Юра Пирятинский

В конце 1970-х директорствующий тогда Наум Ефимович Сартан задумал, как я теперь понимаю, перестройку. В результате в школу пришло десятка полтора молодых учителей. Среди них был учитель русского языка – молодой, красивый, не по-школьному интеллигентный: всегда опрятный, подчеркнуто правильно говоривший на литературном языке. Он был учтив с коллегами, казался несколько пугливым и чем-то все время озабоченным. Но прошел месяц, и из параллели четвертых или пятых классов (именно на них была брошена молодежь) стали медленно распространяться слухи об учителе-тиране, приводившем детей в ужас и вызывавшем у них бесконечное обожание одновременно. Это был Юра Пирятинский, которому суждено было стать живым символом «три-восемь-восемь», а затем и «пятнадцать-ноль-пять»…

Юра был шумный, внешне жесткий и одновременно предельно ранимый, всегда всем готовый помочь человек. Он был таким, какой была и навсегда останется в нашей памяти 388-я – наша красная школа. Она будет жить в нашей памяти всегда – как самое приятное воспоминание. У кого-то – о детстве и юности, у других – о значимой части или всей трудовой жизни. И вместе с ней будет жить наш Юра, Юрий Брониславович, Пиря…

О Премии

Всего с 2014 года на соискание Пирятинской премии был номинирован 151 человек – целых пять школьных классов! Как из них выбирают лауреатов?

Напомним, что лауреатом Премии можно стать лишь один раз за все время обучения в красном здании. Причем в каждой из двух номинаций ежегодно мы выбираем только по одному лауреату. Скоро состоится девятое по счету награждение, а значит, лауреатов, скорее всего, будет восемнадцать.

Раньше по заведенной традиции награждение лауреатов Общественной премии проходило в два этапа: в начале октября, в День учителя, школа узнавала имя лауреата в номинации «Русская словесность», а 22 ноября – в день рождения Ю. Б. Пирятинского – лауреата в номинации «Человеческое измерение». С Премиями за 2020 и 2021 годы все немного не так. Причина – ограничения, связанные с пандемией. Мы не знаем, когда вернемся к прежним срокам награждения лауреатов, но уверены в том, что любые переносы дат вручения не меняют главного: мы по-прежнему выбираем достойных. И конечно, каждый год нас спрашивают, как происходит этот выбор. Не будем делать из этого секрета и на сей раз.

По формуле 15 + 05

Прежде всего важно понимать, что в выборе лауреатов в обеих номинациях участвуют не только учредители – 15 учеников, коллег и просто друзей Юрия Брониславовича Пирятинского, в декабре 2013-го решивших создать Пирятинскую премию. В голосовании в номинации «Человеческое измерение» участвуют еще и учителя, но, конечно, не все, ведь Премия общественная, а не «учительская». В свое время мы придумали формулу 15 + 05, по которой в голосовании принимают участие 15 учредителей и 5 педагогов, работающих в старших классах (их по нашей просьбе ежегодно делегирует в состав нашего «жюри» директор школы). Именно они – тайным голосованием – и принимают окончательное решение по поводу выбора лауреата.

Такой расширенный формат представляется нам вполне уместным и при этом весьма демократичным. Поэтому по той же формуле 15 + 05 мы осуществляем выбор лауреата в номинации «Русская словесность». Только за тексты, выдвинутые в этой номинации, помимо 15 учредителей голосуют 5 лауреатов Премии минувших лет. Это позволяет при голосовании учитывать мнение вчерашних гимназистов, когда-то ставших лауреатами Пирятинской премии и разделяющих вместе с нами ценности и принципы этой высшей школьной награды. Мы уверены в том, что привлечение наших товарищей – лауреатов прежних лет – к этому непростому делу (внимательно и не один раз прочитать номинированные на Премию тексты, выбрав из них один «самый-самый») делает наш общий выбор еще более взвешенным и весомым.

Признаемся: нам непросто выбирать. Как правило, каждый год сразу несколько достойных работ претендуют на то, чтобы быть отмеченными. И до последнего момента непонятно, чей текст наберет больше голосов. Мы спорим, взвешиваем за и против. А потом голосуем: в первый тур выходят две работы, набравшие максимальное число голосов, а во втором туре мы уже выбираем «лауреатский» текст. Разумеется, все голосования анонимны – тексты только пронумерованы, и поэтому учредители не знают, кто их авторы: мы голосуем не за людей, а за «текст № 6» или «текст № 12». Это важное правило, позволяющее максимально объективно подходить к оценке. Так что выбор лауреата Премии – непростое дело. Но мы рады этой сложности. Потому что каждый год нам есть из чего и из кого выбрать.

Как «измерить человека»?

Накануне награждения лауреатов мы публикуем тексты, выдвинутые на соискание Премии в номинации «Русская словесность». Правда, не все: перед голосованием тексты проходят стадию рецензирования. По итогам мы получаем рекомендации наших уважаемых экспертов, в том числе предложения по публикации или непубликации. Учредители Премии имеют право не согласиться с мнением экспертов, но могут и прислушаться к их позиции. В этот раз учредители согласились с тем, что не все тексты соответствуют тому уровню, который позволяет с чистой совестью публиковать их в нашем альманахе. Таким образом, часть номинированных текстов не попала на эти страницы. Но это не значит, что их авторы не будут отмечены на церемонии награждения. Мы признательны им за участие в Премии-2021 и постараемся, чтобы они почувствовали нашу признательность.

Публикуя тексты, выдвинутые в номинации «Русская словесность», мы никогда не объявляем имена тех, кто выдвинут на соискание Премии в номинации «Человеческое измерение». Нас часто спрашивают – почему? Отвечаем.

Обсуждая кандидатов в номинации «Человеческое измерение», мы каждый раз убеждаемся в том, что у нас в школе учится очень много замечательных людей. Но поскольку по Уставу Общественной премии имени Ю. Б. Пирятинского в каждой номинации мы можем избрать лауреатом только одного человека, обнародование имен тех, чьи кандидатуры не набрали нужного числа голосов, мы считаем просто неэтичным. Поэтому мы давно договорились, что в номинации «Человеческое измерение» будем называть лишь имя выбранного нами лауреата. При этом проигравших здесь нет и быть не может: раз школа выдвинула этих ребят, значит, это, безусловно, достойные люди. Именно поэтому с этой номинацией у нас, как в швейцарском банке, «полная тайна вкладов».

«Человеческое измерение» – тема весьма деликатная. Действительно, как «измерить человека»? Мы понимали, что каждый раз это будет очень трудная задача. И каждый раз будут те, кто согласится с нашим выбором, но будут и те, кто останется недоволен.

Мы уважаем чужое мнение, но при этом имеем и свое. Премия имени Юрия Брониславовича Пирятинского – общественная. Ее учредители имеют непосредственное отношение к гимназии (либо учились, либо работают в ней, либо и учились, и работают), но, голосуя, они выражают свою личную позицию. Поэтому мы, с одной стороны, отдаем себе отчет в том, что при выборе лауреата в этой номинации невозможно требовать от кого бы то ни было стопроцентного «объективизма». А с другой – берем на себя ответственность за то, что наш жизненный опыт, наше знание гимназического сообщества и традиций школы являются достаточной гарантией того, что из предложенных самой гимназией претендентов мы выберем самого достойного. В конце концов, мы отвечаем за свой выбор собственной репутацией…

ДИНАМИКА ВЫДВИЖЕНИЯ НА ПРЕМИЮ ПО ГОДАМ (чел.)

Премия	«Русская словесность»	«Человеческое измерение»
I (май 2014)	8	1
II (октябрь 2014)	7	2
III (2015)	11	3
IV (2016)	9	3
V (2017)	14	5
VI (2018)	18	9
VII (2019)	16	5
VIII (2020)	15	3
IX (2021)	15	7
Итого по номинациям	113	38
Всего учащихся	151	

***

Как всегда, наш альманах состоит из нескольких частей. Главная из них – **тексты, номинированные на Премию**. Далее следуют **«Пирятинские лекции» лауреатов прошлого, 2020 года.** Это слова, которые они хотели бы адресовать «городу и миру», а также родной школе и всем ее обитателям. Завершает альманах традиционная рубрика **«Вспоминая Пирятинского»**, где ученики Юрия Брониславовича рассказывают о человеке, в память о котором и создана эта Премия. Ну и в самом конце – **наши благодарности** тем, без чьей помощи мы бы не справились, – нашим друзьям и коллегам, поддерживающим Премию всеми доступными им средствами.

Желаем вам удачи и интересного чтения!

Учредители Премии

ПРОЦЕДУРА ВЫДВИЖЕНИЯ

Еще раз напомним, кто и как может быть выдвинут на соискание Пирятинской премии. Речь идет об учащихся 9–11-х классов красного здания – тех, кто учится (или будет учиться) в этих классах по состоянию на 1 сентября того года, за который вручается Премия. Технически процедура выдвижения очень проста.

«РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ». Если вы пишете стихи или прозу, просто отберите из написанного вами то, что вам самим нравится. Если вы не уверены в своем выборе, обратитесь к учителям словесности – они вам помогут. Выдвинуть текст можете и вы сами, и поклонники вашего творчества – ваши учителя или одноклассники. Только не забудьте проверить тексты на наличие в них орфографических и пунктуационных ошибок – все-таки номинация называется «Русская словесность». Желательный объем текста – до 12 000 знаков. Выдвижение завершается 15 сентября.

«ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ». В этой номинации самовыдвижение по понятным причинам невозможно. Номинировать человека на Премию могут его товарищи, учителя, сами учредители Премии. Присылая на указанные адреса имя этого человека, нужно кратко пояснить, почему именно он достоин стать лауреатом Премии имени Ю. Б. Пирятинского. Выдвижение завершается 1 ноября.

Все материалы присылайте по почте либо на личный адрес координатора Премии Владимира Николаевича Рудакова (ps-rudakov@yandex.ru), либо на адрес Премии (premia-1505@yandex.ru).

Лауреаты получают символы Премии – серебряный знак, красный кирпич авторской работы с монограммой «ЮБ» и символический ключ от школы. Кроме того, мы оплачиваем каждому из лауреатов стоимость поездки в рамках гимназических выездов (поход, Волга, путешествие с классом в другой город и пр. – на усмотрение лауреата).

«РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ»: тексты гимназистов

Давид Айзенберг,
9 «А»

Трагедия опустевшей тюрьмы

Это холодное, промозглое ноябрьское утро я встретил у ворот небольшой тюрьмы, стоящей за пределами города. Удивительно ухоженное здание в классическом стиле виднелось из-за ограды. Я позвонил в специальный звонок у калитки. Откуда-то в мгновение показался один из охранников и впустил меня на территорию. Прождав на улице еще десять минут, пока ко мне не вышел директор тюрьмы, я окончательно продрог, пальцы рук окоченели.

В какой-то момент из центральной двери наконец появился начальник тюрьмы, громко извиняясь за ожидание. То был человек не самой приятной, хотя и выразительной наружности. Особенно его отличала походка – он переваливался с ноги на ногу. В нем сразу было видно искреннее самолюбование, почти восхищение собой. Он почтительно пожал мне руку, приоткрыл дверь и пустил вперед себя.

Внутри здание выглядело плачевно, по стене стекала вода, пахло плесенью. Пройдя несколько комнат, я попал в помещение, где передо мной предстали пятеро работников тюрьмы. Вначале я даже несколько удивился: рабочий коллектив был необычно мал, да и откровенно стар. Четверо из них были охранниками, а последний – повар, его выдавал особый костюм. Мое зрение не позволило мне разглядеть имена, написанные на бейджиках, а память не дала их запомнить.

На самом деле проверять эту тюрьму у меня не было никакого желания, меня клонило в сон, да и работу эту я любил только тогда, когда мне хотелось услышать небывалую историю заключенного. Единственное, что удерживало меня здесь,– это чувство, доселе мне неизвестное, манящее, почти мистическое.

Пройдя лестницу, коридор и свернув направо, я вошел в кабинет начальника тюрьмы и сел с другой стороны от рабочего места этого грузного человека. Стул, обитый тканью, неудобно проминался, стол был чересчур высок, а вся мебель сливалась в одну аляповатую картину.

– У нас прекрасная тюрьма, здесь у всех заключенных просто чудесные условия, почти как дома, – проговорил директор тюрьмы, о котором я совсем позабыл, пока шел сюда, после чего он расхохотался, весь колыхаясь.

– Ох, я не сомневаюсь в этом ни в коем разе, – почти подпрыгнув от неожиданности, выпалил я.

Затем он появился в поле моего зрения и сел на свое место.

– Наша тюрьма невелика, как вы могли заметить, потому тут так мало надзирателей. Да никто, собственно, никогда не пытался отсюда сбежать, – сказал он, смотря мне в глаза и слегка улыбаясь уголками губ.

– Я только этому рад, но и выглядит это здание так, будто тут сидят воры детских колясок и старые, пойманные на коррупции чиновники. Ну что же, не буду занимать ваше время своим пустословием. Можно просмотреть документацию? – со всей любезностью в голосе попросил я.

– Да-да, конечно, всё к вашим услугам,– он протянул мне пачку документов, заранее подготовленных.

Пока я без особого интереса листал бумажные страницы, плохо пропечатавшиеся на стоявшем в кабинете принтере, я слышал звуки и шорохи, что доносились откуда-то из-за стены. Как я потом узнал, это были одни из немногих постоянных жителей этого места – крысы. В конце концов бумажная волокита мне до ужаса наскучила.

– Так-с, с документами все замечательно, но в действительности они ничего не показывают. Мне бы пройтись, посмотреть на все своими глазами, – сказал я как настоящий ревизор – фильмов пересмотрел.

Директор, ничего не отвечая, лишь непринужденно встал, движением головы показал, куда идти, и этажом ниже попросил надзирателей провести мне небольшую экскурсию. Я же, в свою очередь, заверил его в том, что больше не побеспокою и сразу после уйду. Темные коридоры тюрьмы то и дело сменялись освещенными помещениями кухни, столовой, склада, прачечной. Все выглядело на удивление достойно, только вот надзиратели были понуры, шли сгорбившись, в их глазах хорошо читалось полное смирение. Однако на мои вопросы про рабочие условия они отвечали лишь в позитивном ключе, даже с улыбкой.

Наконец мы дошли до самого главного. Узкий коридор с высоким потолком был по бокам обрамлен во всю длину тянущимися камерами. Я осматривал каждый уголок самым внимательным взглядом, искал что-

нибудь выдающее плохие условия заключения, да и найти их было несложно.

– Стойте! – вскричал я, остановившись посреди коридора. Только в эту секунду секрет этой тюрьмы стал мне ясен. В моей голове закрутился хоровод мыслей, мне становилось то страшно, то до ужаса смешно. В тюрьме не было ни одного заключенного, ни души, но я был единственным, кто это понимал.

– Что-то случилось? – спросил один из обернувшихся надзирателей.

– Да-да. Точнее, нет-нет. Что вы! Все хорошо, просто вспомнил кое-что, что даже закричал с перепугу, – стал объясняться я.

Мне было до жути интересно. Я решил посмотреть, понаблюдать, может, я узнаю что-то еще. Да и, кажется, всех, кто тут работал, ничего не смущало.

За окном все лил дождь, и погода была еще противнее, чем с утра. Холодный ветер завывал страшную колыбельную. Мне пора было уезжать. Я до того старался скрыть все чувства и мысли, что вернуть цвет лицу смог только дома.

Через месяц произошла настоящая трагедия. Под покровом ночи, когда дежуривший надзиратель заснул всего на час, случился побег! Ночь была ясная, звезды осыпали небосклон, их, кажется, можно было взять в руки, попробовать на зуб. Ничто не предвещало беды, никто и не догадывался о планировавшемся побеге. На страже стоял самый старый надзиратель. Он не мог бодрствовать все время – годы не позволяли, и где-то после трех он засыпал без зазрения совести. Вот и тот день исключением не стал. Заключенные достали ключи во время прогулки и с их помощью вышли из камер, а затем бежали куда глаза глядят. От света звезд или, может, от последних доносившихся шагов надзиратель потянулся, потом еще раз, открыл глаза и обомлел.

В тюрьме началась суматоха. Все кружилось, звенело, кричало, билось. Все были в отчаянии. Темный кабинет собрал сонных, ужаснувшихся, бледных последних жителей этого дома! Никого не стали винить в случившемся, это было совершенно незачем, да и ничего уже не исправить. Долгие паузы между шумными вздохами оставляли тяжкое время для раздумий. Только крысы скреблись где-то за стеной, а им тоже было несладко. Они часто навещали камеры, где ели то, что было предназначено для заключенных, но теперь питаться было нечем.

Начало светать. Сердца успокоились, появилось чувство вины – всеобъемлющее, охватывающее души. Впервые директор тюрьмы принял решение – решение, которому никто не осмелился что-либо противопоставить или возразить. Он поднялся с пола, на нем не было лица, зато уверенность осталась. Обойдя в последний раз все здание, работники тюрьмы спустились вниз. Коридор был темен как никогда, крысы за стеной шумно скреблись, и с потолка вода лилась ручьем. Через несколько минут каждый из них проделал одну и ту же операцию: зашел в одиночную камеру, закрыл ее и выкинул ключ в форточку. Они и не знали, каково это – быть окруженными решеткой. То скука нападала на них, то голод, но отдохнуть там точно было нельзя. Некому было посмотреть в глаза. Знакомое лицо не увидеть. Сколько бы ни пытались свернуться клубком и лечь на койку – все неспокойно. Зато небо через маленькое окошко выглядело совсем по-другому, что хоть птицей становись.

Прошла пара дней. Ласточки стали вить гнезда под крышей, даже бельчонок однажды забегал. Но самое удивительное, что в тюрьму стали возвращаться заключенные – один за другим, сами по себе. Да и мне стало как-то грустно стоять за решетчатой оградой и только лишь наблюдать.

Яна Будилович,
10 «В»

Темнота

А вдруг счастливым я был вчера,
А мне не сказал никто?

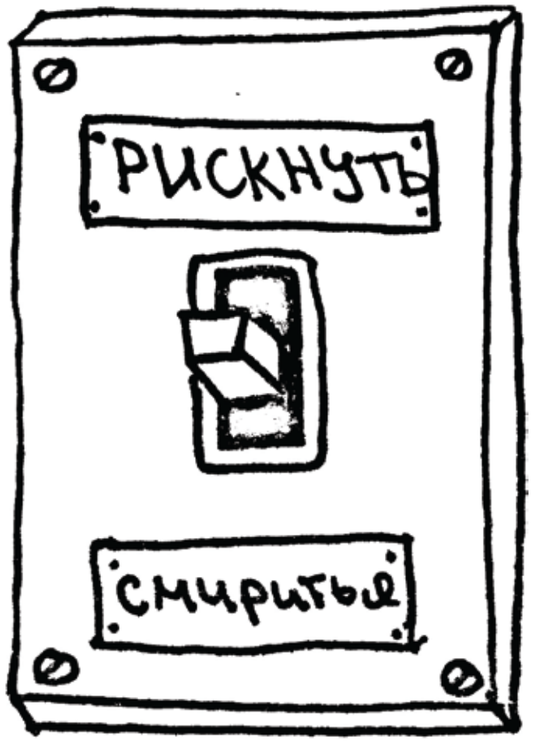
Она. 10 февраля

Я лежала на кровати, глядя в потолок. В голове беспорядочно носились события сегодняшнего дня, и только *новость* неподвижно и грозно застыла среди хаоса моих мыслей. Странно, как спокойно я прожила весь день с этим *известием*, и, казалось, только сейчас стало приходить осознание, что это реально. Вдох. Выдох. «Нужно успокоиться, давай, просто дыши». Вместе с темнотой ночи страх все ближе подступал к моему горлу. Вдох… И легкие сдавил жгучий комок горечи и боли. «Ну же, просто дыши и не думай ни о чем». Выдох. Воздух, дрожа и прерываясь, вышел из моей груди. Я чувствовала, если сорвусь и заплачу, уже не смогу остановиться, и я отчаянно пыталась восстановить дыхание. Лучшим выходом было бы просто заснуть, но ужас от осознания правдивости происходящего поглотил меня раньше. Щеку обожгла слеза, медленно прокатившаяся по моей коже и бесшумно упавшая на подушку. Вдох – и неукротимый поток слез нещадно побежал по моим щекам и шее, противно заливался в уши и обильно мочил подушку. Все те боль и необъятный страх, которые я старалась сдерживать до этого момента, разом обрушились на меня. Я чувствовала, как теряю контроль над своим телом и рассудком, чувствовала, как схожу с ума. Я и представить себе не могла, насколько жутко с каждой секундой все больше терять управление самим собой. Сознание ускользало, и я судорожно пыталась удержать его, хватаясь за последние обрывки мыслей. «Нет, нет, нет, это нечестно, нечестно!» – закричала я в темноту. Комнату стал заполнять мой истошный шепот, время от времени срывающийся на связки. Волной безумия бесконтрольный поток слов лился, извергая всю накопленную боль наружу. «Нет, пожалуйста, не умирай, я прошу, не умирай. Это несправедливо, вы не можете отнять *его* у меня». В припадке отчаяния из груди посыпались бесконечные просьбы и упреки. «Умоляю, я все что угодно сделаю, не забирайте *его*. Заберите меня, пусть я умру, *он* не заслуживает смерти. Почему? Я не понимаю, за что? *Почему судьба всегда пытается отнять у нас самое дорогое?»*

Внезапно буря утихла. Острая, как лезвие, пустота вмиг отрезала меня от этого истерического бреда, и звенящая тишина стала заполнять комнату. В голове стало ясно, ураган мыслей и эмоций моментально утих. «Неужели это закончилось», – подумала я, жадно глотая воцарившееся беззвучное спокойствие. Вдруг мои легкие наполнились воздухом, и из груди вырвался хриплый крик. Это происходило против моей воли, поэтому я в панике зажала рот руками. Страх и отчаяние разъедали изнутри, поглощая каждую клетку моего тела, пробирались в самые дальние уголки сознания, убивая все светлое и живое. Больше не было сил бороться, и я, устало опуская опухшие от слез веки, сдалась. Я лежала, глядя в потолок, и *ничего* не чувствовала.

Он. 18 февраля

Я не мог уснуть всю ночь. «Ничего, под наркозом отосплюсь», – с горькой иронией твердил я себе. Все эти дни в палате было невыносимо, отовсюду слышался плач, по коридору бегали лысые и худые, как скелеты, дети, все прекрасно понимали безысходность своего положения. Мне ничем не удавалось отвлечься: закладка в книжке так и оставалась на первых страницах, планшет уже который день валялся без дела, и даже просто слушать музыку я совсем не мог. Казалось, воздух в палате, да и во всей больнице, был совершенно неподвижен, все замерло в ожидании своего приговора. Я невольно покорился этому гнетущему бездействию и погрузился в глубокую апатию. Я находился здесь всего пару дней, но уже совсем потерял веру в будущую жизнь – даже представить страшно, как люди живут тут годами. Вдруг к горлу подступил то ли страх, то ли боль. Мои пальцы крепче сжали *ее* талисман – маленького плюшевого кролика, единственное, что могло вызывать у меня улыбку. Я отчетливо чувствовал крохотный *комочек* между ключиц – опухоль, медленно убивающую меня. Врачи сказали бы, что это невозможно, но я знал: смерть уже сидит во мне и буквально держит руку на моем горле. Всего какие-то две недели отделяли меня от той спокойной и нормальной жизни, которую судьба так запросто отняла у 15-летнего парня. Мне хочется верить, что *она* была права: мы просто отдаем аванс судьбе за наше будущее счастье.



Я не боюсь смерти как таковой. Если бы мне сказали, что я умру через два дня, мне не было бы так страшно, как сейчас. Меня ужасало нечто большее: *каково это – не знать, что было дальше?* Эта мысль поразила меня и будто открыла другое измерение для моего разума. Неужели я могу просто исчезнуть, внезапно, без собственного ведома перестать существовать? Эти вопросы непрерывно терзали меня. Я с горечью осознавал, какая жалкая роль мне отведена: послушно лечь на операционный стол, позволить усыпить себя и верить, что смогу вновь открыть глаза. Меня приводила в ужас мысль о своей беспомощности. Я усну, мое сознание растворится в небытии, и нет никаких гарантий, что оно вернется ко мне. Я не узнаю, как прошла операция, боролись ли врачи за мою жизнь; не узнаю, проснулся ли я в реанимации; не узнаю, что будет с мамой и как *она* справится с моим уходом. Как бы мне сейчас хотелось верить, что увижу все это с небес или хотя бы узнаю о своей смерти. Но я прекрасно понимал, что ничего подобного не случится. Все, что мне оставалось, – ждать.

Эпилог. 19 февраля

10:13. Время пришло. Меня везли в операционную. Забавно, врачи собирались спасать мою жизнь, а я чувствовал, будто уже мертв. Пусто. Холодно и одиноко. В чем смысл всех моих стараний, если я не оставил ничего после себя? Какой смысл в друзьях, если я проведу, вероятно, последние минуты моей жизни совершенно один на операционном столе?

10:27. Мне ввели наркоз. Я ощутил, как эта субстанция вошла в вену и как кровь сопротивляется чему-то инородному. Обратный отсчет. *Десять, девять…* От пальцев ног вверх стали подниматься мурашки. *Восемь, семь…* Я закрыл глаза в томительном ожидании. *Шесть, пять…* Я хочу думать о *ней*. Попытался представить *ее* лицо. *Четыре, три…* Вместо обещанной эйфории я чувствовал тошноту. Голова кружилась, меня стало мутить. *Два…* Стойте! Я хочу жить для *нее*! *Один…* Темнота…

Мария Веруш,
11 «В»

Lux in tenebris*

Некоторые мысли – те же молитвы. Есть мгновения, когда душа, независимо от положения тела, – на коленях.
Виктор Гюго

Ибо не послал Бог Сына Своего в мир, чтобы судить мир, но чтобы мир был спасен чрез Него. Верующий в Него не судится, а неверующий уже осужден, потому что не уверовал во имя Единородного Сына Божия. Суд же состоит в том, что свет пришел в мир; но люди более возлюбили тьму, нежели свет, потому что дела их были злы.
Иоанн 3:17–19

***

Я был рожден в трущобах. Был рожден и был воспитан на узких улочках, где еще с детства приходилось драться с другими детьми за кусок хлеба и старый гниющий домик, который мы называли «базой». Для меня тогда не существовало ничего важнее возможности накорябать карманным ножиком на стене этого домика свое имя. Чаще всего ради штурма «базы» все объединялись в маленькие группы, однако я был одиночкой. Мне не нравились другие дети, а им не нравился я. Но мы были беспризорниками, и о нас не волновались родители. Никто не мог рассказать нам, что делать можно, а что нельзя. Поэтому во время одного из штурмов худощавый парнишка, который ростом, однако, был выше меня почти что вдвое, схватил меня за футболку, поднял в воздух, как нашкодившего котенка, и закричал:

– Крысу, крысу, я поймал крысу!

Оказывается, групп было всего две: я против остальных мальчишек. Долговязый схватил меня поперек груди и болезненно давил костлявой рукой на ребра. Я видел уродливые, искаженные ехидными гримасами лица девятилетних мальчишек. В их руках были сучья и камни, у кого-то я даже увидел заржавевшую железную палку. Мною тогда овладел не страх, но отчаяние, вызванное собственной беспомощностью. В тот день я впервые почувствовал себя невероятно маленьким и слабым, каким никогда более не чувствовал себя в своей жизни. Мальчишки избивали меня, не переставая гоготать и улюлюкать. Я пытался дать сдачи, но лишь вызывал новую волну смеха, бесполезно размахивая руками и ногами в воздухе. В какой-то момент особенно сильный удар пришелся по моему виску – это была та самая железная палка. Из меня выбило весь дух, вспышка резкой боли пронзила меня насквозь, я мельком увидел вытянувшиеся от страха лица и повис безвольной куклой в руках долговязого. Уже на грани бессознательного состояния я слышал, как мальчишки кричали друг на друга, а потом бросились прочь от места происшествия.

Очнулся я от холодных капель, что разбивались о мои щеки и лоб. Открыв глаза, я не увидел ничего, кроме беспросветной темноты.

***

Тот день стал для меня роковым. В трущобах быть «неполноценным» приравнивалось к смерти. Я, однако, к своему новому недугу приспособился достаточно быстро. Первое время было сложно добывать хоть какую-то еду, но, узнавая о моей слепоте, изредка приезжающие богатые тетеньки – надушенные, сопровождаемые громким шорохом платьев, с приторно-сладкими голосами – с радостью вкладывали в мою ладонь несколько тяжелых монет и фотографировались со мной для местной газеты. Когда мне исполнилось 16 лет, я с ужасом осознал, что с бродячим животным у меня сходства больше, нежели с человеком. Я был неграмотен, беден и за несколько холодных зим, проведенных на улице, заработал себе хронический бронхит. Впрочем, я проводил много времени рядом с каналами – нащупывал босыми ногами скользкие ступени и, прижимаясь к сырой каменной стене, спускался к воде. Подворачивал

свои рваные штаны до колен и окунал ноги в холодную воду. Здесь всегда пахло рыбой и отсыревшими веревками, этими же «ароматами» скоро пропах я сам. Я был слеп, но был способен чувствовать, как люди, быстрым шагом проходящие мимо и обладавшие зрением, были, однако, лишены всякого иного чувства. Я мог долгое время сидеть в этой позе, опустив свой невидящий взгляд вниз. Так, я мог слушать захватывающие истории рыбаков или узнавать новости от зевак, что собирались у каналов, чтобы выпить дешевого вонючего пойла и обсудить вынюханные на главной площади слухи о богачах и местной знати. В таких историях зачастую фигурировали те самые тетеньки, которые ранее подавали мне деньги. Временами рыбаки просили меня почистить рыбу или переложить ее из одной корзины в другую: мои пальцы ощущали чешую лучше, чем ее видели глаза уже немолодых мужчин. Я с радостью принимался за работу, которая помогала мне почувствовать себя полезным и прочила либо пару монет, либо пожаренную на огне рыбу. Этого было более чем достаточно для слоняющегося без дела мальчишки. Ближе к вечеру, когда вода неприятно покалывала мою кожу, я вытаскивал ноги из канала, наскоро опускал брюки, чтобы ветер не успел обморозить кожу еще сильнее, и, опираясь на кривую длинную палку, направлялся в лабиринт трущоб.

В ветвистых переплетениях узких улочек я чувствовал себя гораздо спокойнее, так как, еще не лишившись зрения, мог добраться до нужного мне места, ориентируясь только на рельеф дороги под моими босыми ногами. Мой дом – старое пуховое одеяло, коробка с найденными на улицах безделушками и тканевый навес – был спрятан от лишних глаз в безлюдном переулке. Больше всего я, конечно же, гордился натянутой между двумя палками простыней, найденной мною в одной из помоек: она спасала от мороси, что часто навещала наш город. Еще у меня был пес. Хотя скорее это я был у него. Ведь он отдавал мне все, что у него было, а я не мог дать ему ничего. Он прибегал ко мне, когда я возвращался с каналов, предупреждающе лаял, а потом утыкался своим холодным мокрым носом в мою ладонь. Я не мог узнать цвет его шерсти, поэтому представлял его полностью черным, с маленьким белым пятном где-то под глазом. Возможно, я не мог представить никакой иной цвет, потому что перед моими глазами всегда стелется непроглядная тьма. Легче думать, что я всегда видел только черный, нежели пытаться вспомнить другие цвета. Я никогда не звал его и не давал клички, потому что кличка, данная живому существу, – признак твоей к нему привязанности. А в трущобах этому чувству нет места. Я слышал, что другие звали его Безухим, но я принципиально звал его просто Пес. Он часто приносил мне отвоеванную у других собак буханку хлеба, иногда даже кусок мяса или сосиску. Я же – лишь разводил пустыми руками. Мы проводили вечера вместе. Устроившись возле меня, он тихо сопел, а я бесцельно пялился перед собой, прислушиваясь к окружающим звукам и запахам.

К сожалению, людям, подобным мне, судьба редко протягивает руку помощи. Через несколько дней от зевак возле каналов я услышал новость, прошедшую сквозь меня волной страха и горечи.

– Слыхал о том, что снова натворили дети в трущобах? Какой-то пес пытался стащить буханку хлеба, так его забили до смерти палками.

– Бедное животное. Хотя чем оно отличается от нас, людей? Мы тоже просто пытаемся дожить до завтрашнего дня.

После этих слов сердце в моей груди сжалось и, кажется, перестало биться на несколько долгих секунд. Меня захлестывали отчаяние и тоска, хотя мое лицо оставалось безучастным. Все, что я мог, – повторять в голове: «Лишь бы это был не Пес». Окунувшись в свои мысли, я не услышал, как ко мне подошел один из рыбаков. Он опустил свою большую теплую ладонь на мое плечо и аккуратно встряхнул за него.

---

* Свет во тьме (лат.).

– Парень, что с тобой?

И мне вдруг стало так горько от этого глубокого мягкого голоса, что, сам того не ожидая, я вцепился в его телогрейку и беззвучно заплакал. Мужчина осторожно гладил меня по голове, пока вся моя боль выливалась на холодную сырую брусчатку вместе с промозглой моросью. Успокоившись и взяв эмоции под контроль, я извинился за увиденные им минуты моей слабости, нащупал свою палку и направился домой. В душе все еще теплилась надежда, что Пес вернется. Что я снова почувствую его холодный и мокрый нос в своей теплой шершавой ладони. Но он не вернулся ни в тот вечер, ни в последующие дни. В ту дождливую пятницу я потерял своего единственного друга.

***

После того дня, возвращаясь с каналов, я еще несколько часов блуждал по трущобам. То ли в надежде встретить Пса, то ли в надежде забыть об этом существе и вернуться к своей привычной одинокой жизни. Во время одной из прогулок, еще не дойдя до ветвистого лабиринта узких улиц, я услышал старческий голос, доносящийся несколькими метрами выше. Я присел на брусчатку, прислонившись к одной из стен, и превратился в слух.

– Милая, помни, что Сын Божий – среди нас, и он наблюдает за нами, и он помогает достойным. Верь в него и уважай его. И держись света, так как лишь свет способен направить человека к правильным решениям и поступкам. Сохрани и воспитай свет в самой себе – и тогда даже самые страшные и темные дни не смогут совратить тебя с пути истинного.

Эти слова так прочно засели в моей голове, что я думал о них тогда и продолжаю думать по сей день. Я не ходил в эти дни к каналам. Лишь бродил по трущобам в поисках еды и избегал местных мальчишек, чьи воинственные крики разносились эхом по коридорам мрачных переулков. Спустя неделю размышлений я вернулся к обществу рыбаков и зевак, так и не сумев найти ответ на гложущий меня вопрос.

– О, парень, давно я тебя не видел!

Я узнал этот голос. Он все такой же – приятный и глубокий, вызывающий ассоциации с домом, родной и привычный. Рыбак похлопал меня по плечу и сел рядом. Какое-то время мы молчали, вслушиваясь в журчание воды.

– Тебя что-то гложет, мальчик мой?

– Как я должен идти на свет, если из-за своей слепоты заточен в бессменной темноте?

Мужчина, видимо не ожидая такого вопроса, не отвечал. Через некоторое время он раскатисто рассмеялся и приобнял меня за плечи. Положил свою широкую ладонь туда, где билось мое наивное мальчишеское сердце.

– Кто сказал, что свет может быть виден только глазами? Подумай сам. Разве хоть раз с того дня, когда ты узнал о смерти бедного пса, ты задумался о мести мальчишкам, что забили его до смерти?

– Нет…

– Правильно. Ты не задумывался. А знаешь, почему ты не задумывался? Потому что твоя любовь к этому псу была превыше любых других чувств. Светлые чувства в тебе гораздо сильнее всякого темного начала и мелочных чувств вроде ненависти или мести. Ты, мой мальчик, живя в темноте, продолжаешь идти на свет, в то время как других, живущих на свету, темнота привлекает сильнее. Оставайся таким же. Продолжай верить в свет внутри тебя. И тогда, мой мальчик, даже окружающая тебя темнота однажды рассеется.

Не дождавшись моего ответа, он похлопал меня на прощание по груди и, шаркая ногами, направился к другим рыбакам. Я же – тронутый до глубины души его речью – сжимал ткань своей футболки там, где лежала его ладонь, и прокручивал в голове слова этого странного рыбака.

Позже, забыв про палку и подвернутые штанины, я бросился в сторону дома. Сбивая о камни босые ноги, сжигая легкие недостатком кислорода, я бежал и бежал, потому что мне казалось, что мое тело, и душа моя, и мысли мои никогда еще не были легче. В ту субботу я обрел веру.

***

Через несколько дней я наткнулся на мальчишек. Не тех, что избили Пса до смерти, а тех, что пару лет назад лишили меня зрения. Конечно, мы были ровесниками, и им было столько же лет, сколько и мне сейчас, но в моей голове, в моем представлении они остались теми же девятилетними мальчишками. Они прошли мимо меня, улюлюкая, акцентируя все внимание на моей слепоте. Один из них выбил у меня из рук палку, а другой щелкал пальцами перед моим лицом. Я же не понимал причины их поистине глупого поведения и просто ждал, когда эта процессия пройдет мимо. Вскоре им наскучило, что я никак не реагировал на их подколки и издевательства, и они стремительно удалились прочь – их громкие, где-то даже визгливые голоса становились все тише. Но один из них остался, я слышал его сиплое дыхание и шорох одежды.

– Чего тебе?

– Я… Я знаю, что за такое не прощают, но я действительно сожалею о том, что случилось в тот день. Я ни на секунду не задумался над возможными последствиями своих действий… Прости, что ударил тебя тогда.

И в этот момент я понял, что передо мной стоит тот самый мальчишка с железной палкой, который нанес роковой удар и полностью изменил мою жизнь. Тот самый мальчишка, к которому я должен был чувствовать жгучую ненависть, но на деле же не ощущал ничего. Моя душа и мое сердце молчали. Этот человек несколько лет мучился чувством вины, в то время как я и не вспоминал о нем. И именно в этот момент осознания я в полной мере понял, о чем мне несколькими днями ранее говорил рыбак. И я, окрыленный этим чувством и мыслями, протянул руку мальчишке и улыбнулся. Мне вспомнился Пес, в сравнении со смертью которого моя слепота казалась совсем незначительной.

– А знаешь, не так уж это и важно. Слепота – не самое страшное, что может случиться с человеком. Я тебя прощаю!

Я почувствовал, как в мою руку легла чужая потная ладонь, и энергично пожал ее. Возможно, в тот день я поделился своим светом с другим человеком, а может быть, просто облегчил его душу.

В скором времени я снова посетил каналы, чтобы узнать свежие новости. По привычке опустил ноги в воду, но тут же высунул их обратно: приближалась зима и вода была слишком холодной. Тогда я снова услышал уже знакомый мне раскатистый смех. Я повернул голову в сторону звука и широко улыбнулся.

– Что, мальчик мой, случилось что-то хорошее?

– Сегодня я встретил человека, из-за которого я теперь слеп.

– И что же ты сделал?

Я повел плечами и скрестил руки на груди, вздернул вверх подбородок и прикрыл глаза.

– А как вы думаете, что я сделал?

Рыбак хмыкнул и замолчал, словно изображая мыслительный процесс.

– Ты дал ему сдачи? Избил его?

От такого предположения я поперхнулся воздухом, всплеснул руками и выгнул дугой бровь.

– Нет, конечно! Что за дурная мысль! Он попросил у меня прощения, и я без раздумий простил его, а после пожал ему руку.

Рыбак молчал. Тишина вдруг начала давить на меня, и я весь съежился под ее весом. Но широкая ладонь потрепала меня по волосам, и все напряжение вмиг исчезло. Я умиротворенно улыбнулся и устремил свой невидящий взгляд в привычную темноту.

– Как ты думаешь, мальчик мой, Бог существует?

– Не знаю, существует ли он. Сложно верить в существование того, что никогда не видел. С другой стороны, я многого не видел, но знаю, что это существует, потому что могу чувствовать. Душой я чувствую, что он существует. А раз я чувствую душой, значит, я верю.

Рыбак накрыл мои глаза своей ладонью. Я вздрогнул от неожиданности, но не отодвинулся, терпеливо ожидая его последующих действий.

– *Lux in tenebris lucet, et tenebrae eam non comprehenderunt*[*].

Я почувствовал странное покалывающее тепло на коже и боялся открыть глаза, после того как рыбак (а был ли он действительно рыбаком?) убрал руку. Но, переборов эту смутную тревогу и разомкнув потяжелевшие веки, я увидел свет. Солнечный и яркий до боли. В воскресенье я вновь обрел зрение.

---

[*] «И свет во тьме светит, и тьма не объяла его» (Иоанн 1:5).

Валентин Звонников,
11 «В»

Зверь

Человек шел по полю. Вокруг клубились и беззвучно шумели сумерки, расписавшие небо и землю бесконечными оттенками серого. Человек шел, и луговые травы, шурша, обвивали его ноги длинными высыхающими стеблями, чей конец был ненадолго отдален приходом росы. Его шаги оставляли в траве четкий пряный след, постепенно исчезавший в тумане. В небе не было солнца, не было звезд и луны, на земле не было огней, и человек не знал, куда ему идти, но шел прямо.

Он миновал колючие заросли с неразличимыми во мраке цветами и листьями, усыпанными тысячей игл, прошел через кустарник, чьи ветви были подобны длинным рукам, ловким и цепким. Прошел оврагом, таким глубоким, что, если бы ночь стала днем, на его дне все равно царила бы беспробудная тьма.

Мириады бездонных глазниц покрывали склоны оврага, тысячи тысяч безгубых ртов шептали древние слова истлевших языков, но человек не замечал этого. Он шел все дальше и дальше.

Человек ступил на неспокойную гладь каменистого плато, где в беспросветной ночи без конца и начала стенали бесчисленные вихри, воспевая горе и боль. Человек запахнул плащ и продолжил свой путь. Острые камни прорвали сапоги, и следом его стала кровь, незримо блестевшая в темноте, но он шел вперед, не замечая боли, сгорбившись и склонив голову под порывами ветра. Вокруг него звучала древняя песнь Предрешенного отчаяния, и в ней все отчетливее проступал гулкий, бездонно глубокий голос, вплетавшийся в вой вихрей вместе с цокотом копыт, черных как смоль. Человеку явился кто-то, закутанный в плащ, сотканный из полночного страха и опиравшийся на трость из застывших слез. Он звал человека пойти за собой, звал его принять вой ветра и скрыться в темноте ночи от бесчисленных бед, отвергнув свой путь, чтобы избежать еще больших тягот и лишений.

– Я иду к свету и счастью, туда, где восходит солнце, – ответил ему человек и пошел дальше, согбенный ветрами, но непреклонный.

Человек спустился с плато, цепляясь за иссохшие ветви терновника, изодрав в клочья свою одежду. Он погрузился в обманчивую бездну ущелья. Здесь не было ни глаз, ни шепота – только острые обломки скал да пепел, обволакивающий серыми волнами их основания. Человек долго шел по пеплу на дне ущелья, окруженный тенями, затаившимися в камнях и тянувшими к нему свои злые длинные языки, шел, пока вновь не оказался в сумерках.

Кругом него был зеленоватый полумрак, а под ногами, поросшие мхом и укутанные ковром мертвой листвы, спали древние корни вековых деревьев.

Человек вошел в лес. Его обволакивала тишина, убаюкивали терпкие запахи смолы и хвои, но он продолжал идти. Неба не было видно сквозь кроны исполинских деревьев, и слабые лучи света, тусклея, спускались на землю по плетям седого лишайника, словно бледные тощие змеи. Скрюченные ветви деревьев прижимали к шершавым стволам потемневшие от времени и сырости кости, кривые острые сучья без единого листа чернели в пустых глазницах выщербленных черепов. И человек услышал за спиной шаги и обернулся к тому, кто пришел за ним. Ему явился некто, облаченный в накидку из мха и сапоги из коры мертвого дерева. Он звал человека за собой, звал обрести покой и благоденствие в тенистом сумраке и тишине, но человек был непреклонен.

– Я иду к свету и счастью, туда, где восходит солнце, – ответил он и продолжил идти, склонив голову.

Человек миновал топь с хищными провалами вывороченных корней и болотными огнями, плясавшими возле костяных алтарей. Он прошел через молодую поросль, наблюдая за тем, как листва, свежая еще секунду назад, увядала и сохла, пораженная неведомым недугом.

Человек не сразу заметил, что лес вокруг него переменился, но вполне ощутил это, когда острые железные листья взрезали его кожу и оросили кровью ржавые ветви. Он ступил на тонкие гибкие стебли жестяной травы и пошел вперед, содрогаясь от боли. Вокруг гремел и скрежетал ржавый уродливый лес, кровь струилась из сотен ран, озаренная багряным светом алой луны, полыхавшей где-то среди колючих облаков. Человек видел мертвые тела, усеявшие землю под деревьями. Им не было числа, а иные не имели и четкой формы, приняв вид чудовищных полуистлевших остовов. Лес пил из мертвецов соки, превращая их тела в насквозь проржавевшие, словно обугленные скопления костей. И вновь перед человеком явился некто, облаченный в пурпурный камзол и высокие сапоги с острыми крючьями на носах. С одежды его струилась темная кипящая кровь, а голос его был скрипуч и невыносим для слуха.

Он то просил, то приказывал человеку прекратить свои мучительные странствия, звал его остаться и разделить с ним власть над кровью, огнем и железом. Но человек был упрям и упорен, а потому не мог и не хотел остановиться.

– Я иду к свету и счастью, туда, где восходит солнце! – гордо ответил он слабеющим голосом и высоко поднял голову, хотя был наг и бос и ослаб от ран. И он взглянул в лицо носившего пурпурный камзол и увидел там лишь безликую багровую маску. И носивший пурпурный камзол выколол человеку глаза своим кривым ржавым кинжалом.

И человек стал слеп.

Он погрузился в сплошную тьму, где не было ничего, кроме лязга и боли.

И он упал и заплакал, не зная, куда ему идти, но вдруг, словно тонкий луч света, вдали зазвучала Песнь, прекрасная и чистая, как само небо.

Человек нашел в себе силы подняться и снова пошел вперед, откуда звучала Песнь. Кожа его превратилась в лохмотья, слезы смешались с кровью, но он все шел и шел, пока не почувствовал, что под ногами его больше нет жестяной травы, а вокруг лишь теплая пустота. Песнь смолкла.

И человек вновь заплакал, но уже от радости. Будучи в отчаянии, он ощутил, что обрел счастье; погруженный во тьму, он почувствовал свет.

И он вновь услышал голос, прежде певший. И голос обещал ему исцеление и прозрение. И обещал даровать человеку счастье вечного бытия, когда взойдет солнце нового чистого мира.

И человек принял дар говорившего с ним и нарек его Богом.

Он ощутил, что раны его затянулись и что боль покинула его.

И человек открыл глаза.

Вокруг не было ничего, лишь бездонная пустота, не имевшая цвета. Человек посмотрел перед собой, но там не было того, кого можно было бы наречь Богом, но лишь тот, кто был Зверем. Человек взглянул в его глаза, бесконечно древние, исполненные тьмы. И Зверь разинул пасть, усеянную зубами, и поглотил человека, раздробив его кости и разорвав его плоть.

И солнце не взошло.

Падальск

Город падали, тихий и грязный,
Погруженный в мушиный смрад.
В окнах желтых – мертвые веки,
Свечи сальные смирно чадят.
Улиц марево – гниль безначальная,
Холод вен, с хрипом взрезанных вдоль,
Подворотен бесцветность фискальная,
Всюду страх, вонь, невежество, голь.

Зверь безгубый с зубами железными
Ходит тихо по салу трущоб
И хрустит черепами скабрезными,
Набивая бесчувственный зоб.
Бесы мелкие души бессильные
Ловят быстро, почти на живца,
Варят в масле тела сухожильные,
Смотрят, чтоб не осталось лица.

***

Пламя струилось по суглинку лживому,
Томный пожар застилал половицы,
Плоть, обожженная холодом мертвенным,
Сумрачно в золах степных раскорячена.
Травы болотные, топи росистые
Выжжены, высушены, обескровлены.
Пар от трясин поднимается огненный,
Газ отравляет слепое сознание,
Кости и ветви трещат средь пожарища,
Голову черти сварили в канаве.
Вой над равниной беспутной, раздраенной
Стонет заевшею черною клавишей.

***

Пьяный ангел с крыльями ватными, сонными
Тихо ползает по мостовой обесснеженной.
Онемелым лицом подметает кальянные,
Умерщвляя дыханием воздух изнеженный.
Он плетется по камню мостов покосившихся,
Он скользит по подъездам бездушным, засаленным,
Пьяный ангел бессонный, бессмертный, беспламенный –
Он пленен, но себя он не чувствует связанным.
Его томные веки обуглены похотью,
Его ноги замараны лужами жирными.
И падение стало прошедшею роскошью
Среди сонного пота уныния мирного.

***

Рогатый Зверь в темном теплом углу
Разжигает огонь колдовской.
Он мешает в котле колдовскую золу
Своей длинной когтистой рукой.
Он в мешке прячет звезды и перья комет,
Прикрывая тяжелым сукном.
И бормочет слова незнакомых примет
На наречьи неясном чужом.
На рогах он уносит полночный мороз
И во рву топит лета пожар.
Рогатый Зверь – царь ноябрьских грез,
Он не помнит того, что он стар.
И в своем самом темном углу потайном
Он хранит свои мысли и сны.
Закопал их надежно и запер замком,
Чтобы с ним не случилось весны.

***

Камышами шершавыми, шелухой шепелявою,
Через ямы-бочажины, через пни-кочевряжины,
Быстрым бегом, летучею поступью,
Поскорей, поживей по колдобинам
Да по путам вьюна остролистого,
Чтоб подальше от смеха, от посвиста,
От сипенья совиного хищного.
Через рощу с точеными сучьями,
По канавам глухим перетопленным
Всё вперед, где не схватят, не сцапают,
Где не слышно когтей скрежетания.
Виден пламень вдали, видно зарево
В небе тусклой желтушною скатертью,
То не город ли часом, не торжище,
Не посад ли теплушный-кибиточный?
Из последней низины, из сумрака
Только б выйти на заветерь пыльную
Меж берез кобылиных обглоданных.
Там уж виден будет город многоогненный,
Будет виден путь короткий, проторенный…

Анна Калюжная,
9 «В»

Безыменный

Предисловие

Он идет в ускоренном темпе по тихой предвечерней улице, погрузившись в свои мысли. За Ним весьма интересно наблюдать. Поправляя очки, хрустя пальцами, что-то нашептывая себе под нос, Он переходит перекресток. Наконец, дойдя до остановки, Он поправляет лямку рюкзака и задумчиво улыбается. Тянется было за сигаретой довольно дорогой фирмы для подростка, но тут же отдергивает руку. Нет, Он не боится, что Его старая дурацкая куртка пропахнет дымом. Мама знает, что Он курит, и, когда бабушка вновь начинает читать нотации о воспитании сына, лишь пожимает плечами. Но только стоит Ему переступить порог квартиры и включить в коридоре свет, разговоры прекращаются. Мама зовет за стол, бабушка фыркает, чувствуя столь не любимый ею запах, но долго злиться не может. Начинает расспрашивать об учебе. В кухню пробивается солнечный свет, пахнет борщом. Он улыбается и, поправляя челку, приступает к еде.

***

«Все за стол!» – кричит мама с кухни. Но кричи не кричи, дочь невозможно заставить поесть. Все у Нее нет времени: то уроки, то книжка интересная, то аппетит пропал. И вот опять: Она сидит с гитарой, задумчиво перебирает аккорды, периодически встряхивая головой, чтобы убрать постоянно спадающие волосы. Ей не нравится их цвет, но, если вдруг Ей вздумается перекраситься, мама вряд ли вытерпит такую наглость. Возможно, даже перестанет разговаривать с Ней на пару денечков, хотя Ее мама и мировая женщина.

«Мое терпение скоро лопнет! Где все?» – доносится с кухни. Тут Она слышит крики, исходящие из глубины квартиры: «Я первый!», «Нет, я!» – и громкий топот. Она поднимает голову, откладывает гитару и, усмехаясь, проходит на кухню, находящуюся за стеной. Садится за стол, противится при виде супа. Но, замечая свирепый взгляд мамы, с неохотой берет в руки ложку.

Тут в комнату забегают младшие братья, смеясь и отталкивая друг друга. Вдруг оба разом замирают, с недовольством глядя на сестру. Она лишь поднимает брови и пожимает плечами. Старший из братьев цокает языком и садится рядом с Ней, а младший берет самый большой кусок хлеба и спрашивает у мамы майонез. «Сегодня папа работает не дома. А если папы нет – майонеза тоже», – отвечает она и садится со всеми за стол. «Приятного аппетита!» – с набитым ртом говорит старший и начинает рассуждать о вредности употребления в пищу горохового супа.

***

Он сегодня не сразу едет домой. Он должен выйти на остановку раньше. Вот приезжает Его трамвай, и Он входит в последнюю дверь, попутно снимая рюкзак. В хвосте трамвая всегда есть места, и Он садится на одно из них. Рюкзак ставит на коленки. Расстегивает его и кладет туда очки. Встряхивает головой и осматривает трамвай, раздумывая над предстоящей встречей.

***

Она смотрит на время и хлопает себя по лбу. Так полноценно и не пообедав, встает из-за стола и пулей летит в свою комнату. Мама тяжело вздыхает, и младший брат со словами: «А что, так можно было?» – переглядывается со старшим, но осекается под строгим взглядом мамы. Как и для любой матери, для нее важно, чтобы дети были накормлены. Хотя бы наполовину, как дочь.

А дочь в спешке натягивает любимые джинсы и надевает болотную клетчатую рубашку. Вскоре Она пожалеет о своем выборе, ведь Ей кажется, что рубашка Ее полнит. Через пару минут Ей звонит подружка и говорит, что она подъезжает к трамвайной остановке, но в этот момент Он уже проедет ее. Они вновь не пересекутся. Хотя, безусловно, и Ей, и Ему не хватает общения друг с другом.

Часть 1

Солнце пробивалось в комнату через не до конца задвинутые шторы. Форточка оставалась открытой всю ночь, так что в комнате было зябко, и Ему не хотелось вставать из-под теплого одеяла. Но все же пришлось. Мама тихо зашла в комнату и начала раздвигать шторы со словами: «Давай-давай, поднимайся. Я и так дала тебе лишние десять минут на "поваляться", а ты еще и хотел со своей подругой пораньше встретиться». Он действительно хотел. Они стали уж больно редко встречаться. После учебы времени совсем не было: вторая половина дня была полностью загружена дополнительными занятиями. А уйти с уроков пораньше – вообще не вариант: мама тщательно проверяет пропуски. Как-никак планирует, что ее сын будет учиться в престижном вузе – МФТИ. А Ему самому вроде и не хотелось там учиться. Он хотел поступать в МЭИ. Хотя МФТИ был не так плох. Только Он не мог понять, хочет ли Он сам подавать туда документы или же Его мама.

***

Она стояла перед зеркалом, поправляя пять минут назад отрезанную челку. Ее мама тоже прошла в коридор, попутно включая свет, и охнула. Нет, дочери, конечно, и шло, но Она чем-то смахивала на болонку. Так и недолго зрение посадить. Однако не ее дело. Пусть делает с волосами что хочет, за исключением порчи – мама была категорически против окрашивания. Про челку она Ей ничего не сказала, а лишь вновь завела разговор о другом:

– Так, сегодня же подойди к учительнице по математике и попроси какую-нибудь допработу. После уроков и напишешь, – пытаясь что-то найти на полке, обратилась она к дочери.

– У меня сегодня олимпиада, мам. Я не могу после уроков. И вообще меня четверка очень даже устраивает. Заслуженная, – обернувшись к матери, произнесла Она и добавила: – Лишние нервы.

Мама лишь фыркнула и задвинула ящичек.

– Ну что, нашла?

– Да, – отрезала та и пошла в ванную комнату, что означало, что дочери обязательно нужно найти время и повысить балл до конца триместра.

***

Он пошарил в карманах и выудил сигарету. Закурил. Шел моросящий дождь. Ему хотелось поскорее опять сесть в трамвай, в тепло. Как только Он увидел девушку, спешившую перейти рельсы, чтобы оказаться рядом с Ним на остановке, потушил, до конца не выкурив. Она просила его не курить рядом с ней. Постоянно чихала от этого. Наконец она миновала пути и с улыбкой поздоровалась. Он в ответ. И тут, сморщив нос, с упреком посмотрела на друга. «Когда же ты наконец бросишь…» – произнесла девушка без единой надежды, что это правда случится и ей придется свыкнуться с этим противным запахом и не препятствовать. Он лишь вздохнул: «Скоро». Зная, что скоро может наступить, и действительно очень скоро.

***

Она шла по вытоптанной тропинке и тряслась. Ей было очень тяжело. Нервы отказывали. Возможно, Ей бы и захотелось начать курить, но личные предубеждения не давали сделать этого. Принципы.

Ее курящие друзья говорили, что это расслабляет, но расслабляться ценой отвратительного запаха, идущего от шарфа и куртки, и проблем со здоровьем Ей не хотелось. Хотя многие такие знакомые дали бы Ей фору и в беге, и вообще в спорте, чему Она здорово удивлялась. Она очень не любила бегать, хотя правда старалась начать этим заниматься. Вот плавание или катание на лыжах – пожалуйста, а от бега Ее даже тошнило. Заранее. Все началось с того, что к ним в гости приехал дядя – мамин брат, участвующий в марафонах по бегу. Ясное дело, привлек и племянницу к полезному для здоровья занятию. Только вот племянница не поела перед легкой пробежкой и чуть ли не упала в обморок. После этого бег вызывал у Нее лишь негативные эмоции.

Отгоняя от себя мрачные мысли, Она села в только что подъехавший трамвай. Он был не новый, как большинство ехавших по данному маршруту. В трамвае были нерабочие турникеты, потрепанные сиденья, грязные окна. Она любила старые трамваи. В них была своя атмосфера. Любила Она их особенно, если шел дождь или было холодно. Пассажиры рисовали на запотевших окнах разные послания, а Она с умилением изучала их. Она никогда не садилась в конец. Не то чтобы Ей было неудобно выходить или Ее укачивало. Ей просто было комфортнее впереди.

Расположившись у двери, Она оглядела транспорт и увидела Его с той самой подругой, из-за которой частенько отменялись прогулки и встречи, инициатором которых был не Он. Вскоре общение совсем сошло на нет, что было очень даже ожидаемо: их окружения были очень разными и не пересекались друг с другом практически никогда.

Его подруга помахала Ей. Они были знакомы и, бывало, даже общались за пределами школы. Она кивнула в ответ и посмотрела на Него. Он тщательно прятал глаза – не хотел пересекаться взглядами.

Часть 2

Фрау, как она любила, чтобы ее называли, была очень требовательной женщиной. Это касалось всех сфер ее жизни: работы (она была чрезвычайно придирчива ко всем, кто решился на изучение ее языка), детей и многого другого, а в особенности самой себя.

Она заметила и узнала Его с подругой еще на лестнице – они вместе год или два назад посещали курс немецкого. Фрау Он особенно нравился. Правда, до определенного момента. Как ей казалось, Он из парня «начни хотя бы курить», всегда готового к ее урокам, прилежного и ответственного, «скатился». Хотя в последнее время мать взялась за сына, и Он даже перестал прогуливать.

Он поздоровался с Фрау первым: «Guten Morgen». Она же, в свою очередь, учтиво кивнула. Ей очень нравились Его вежливость и тактичность, которые зачастую перекрывали негативные черты характера.

***

– Эй, ну ты чего загрустил? – слегка дотронувшись до плеча, спросила Его подруга.

Они сидели в коридоре, дожидаясь звонка на урок. Иногда с ними здоровались их знакомые, подходили одноклассники, но разговоры как-то не завязывались.

– Думаю о поступлении.

Девушка очень удивилась и, нахмурив брови, спросила:

– Так чего думать? Ты же в МФТИ поступаешь. И обязательно поступишь! Как и хотел.

Казалось бы, эта фраза должна была Его порадовать, но Он еще сильнее помрачнел.

– В том-то и дело. Не знаю, хочу ли я этого. Или МФТИ – мечта мамы, навязанная мне.

– Но если твоя мама так хочет этого, значит, институт реально крутой!

Он горько усмехнулся:

– Крутой не крутой – дело второстепенное. Главное, чтобы мне нравилось там учиться.

***

Она вышла из кабинета с написанной олимпиадой. Было не очень сложно, но и не очень легко, однако Ее руки были потными и тряслись, что определенно не вызывало никаких позитивных эмоций. Изучив школьный коридор, Она заметила подружку, набирающую что-то в телефоне своими длинными ногтями. Девушка подняла голову, улыбнулась и помахала Ей рукой, подзывая к себе. Видно, дожидалась.

И действительно, когда Она подошла к подружке, та отложила телефон и приняла более чем доброжелательный вид: «Ну как, написала олимпиаду?» Она лишь вздохнула. Конечно, Ей хотелось погулять с подружкой, обсудить все на свете, но, представляя мамино недовольство, Она сморщилась и ответила: «Мне нужно еще подойти к Мегере и попросить допработу. Извини…» Девушка вскинула брови: «А в другой день?» Но, понимая, что ее ожидает отказ, сразу же добавила: «Я подожду. Пиши свою допработу, а потом мы сходим куда-нибудь».

Часть 3

Осень оборвала ветром все листья. Деревья стояли полностью голые. И Он стоял. Правда, в домашней одежде. Стоял у открытого окна и не курил. Второй день. Пачка «Парламента» лежала в мусорной корзине под раковиной. Его мама сначала разозлилась, потому что подумала, что Он опять курил в квартире, но, увидев, что пачка не тронута, даже прослезилась. А Он стоял у открытого окна и не курил, понимая, что, если бы не общение с Этим Человеком, Он никогда бы и не притронулся к сигаретам. Все-таки окружение влияет на столь многие вещи.

***

Все в классе хотели дружить или хотя бы иметь приятельские отношения с Этим Человеком. Он обладал большим авторитетом, и в компанию к нему попадал далеко не каждый. Только «элита». Но если ты выходил по своему желанию из данной компании, то выходил с небольшим «презентом» – вагоном и маленькой тележкой комплексов.

Этот Человек не видел собственных недостатков, а когда ему пальцем на них указывали, кидал презрительный взгляд, поправляя сальные волосы. Он постоянно предавал доверие многих в компании, критиковал по поводу и без, а когда твое терпение заканчивалось – выставлял себя жертвой и настраивал остальных против тебя. Мало кто был в состоянии рассчитывать на него, когда нуждался в дружеской поддержке. Практически все не хотели видеть его и радовались, когда он уходил, однако, имея высокий статус в школе, который ты, ясное дело, потеряешь, прекратив общение с Этим Человеком, многие терпели его бесконечные выходки.

***

Он стоял у открытого окна и не курил, раздумывая о том, что Ему стоило прекратить общение с Этим Человеком намного раньше, пожертвовав своим социальным статусом. Комплексов было бы меньше, да и Он отошел бы быстрее от всего того, что вылил на Него во время ссоры Этот Человек.

Дверь в комнату тихонько приоткрылась. Мама застыла в дверном проеме с сердитым выражением лица и скрещенными на груди руками. Со словами: «Простудишься же!» – она подошла к сыну и закрыла источник своего негодования. А сын и не сопротивлялся. Он лишь устало улыбнулся и обнял маму. Сегодня она была такой счастливой.

***

Она с подружкой шла по мрачной улице. Солнце усердно скрывалось за тучами. Она шла, шаркая ногами, в то время как подружка рассказывала о своем новом парне, с которым отношения у Нее были напряженными с первых дней.

– Слушай, а почему ты еще не извинилась перед ним?

Она посмотрела на подругу как на сумасшедшую. Та просит извиниться перед своим парнем! И зачем ей заступаться? Это как минимум неправильно, ведь человек должен сам уметь постоять за себя, а не перекидываться информацией через посредников. Встречается с каким-то нюней.

– Нет, – отрезала Она, – предлагаю переключиться на другую тему.

Подруга поникла. Ей так хотелось, чтобы ее парень и ее лучшая подруга находились в доверительных взаимоотношениях.

***

Она бегом поднималась по лестнице. На улице уже минут двадцать как стемнело. Мама будет очень недовольна. Вот Она представляет, как женщина с черной косой, усталым видом и в домашней одежде встречает Ее у порога. Ни слова не говоря, демонстративно разворачивается и медленным шагом идет на кухню. Наложив в тарелку остывший ужин, идет в свою комнату – обиделась, ведь дочь обещала, что сразу после допработы пойдет домой и будет учить несносную химию.

Однако, войдя в квартиру, Она не увидела данной картины. Мама с улыбкой подошла к дочери и расспросила, как прошла олимпиада. Та, недоумевая,

ответила: «Нормально». На что мама поцеловала ее в макушку со словами: «Вот и славненько».

Что-то происходило. Только Она не понимала, хорошо это или плохо.

Часть 4

– Ты представляешь, мама мне вчера ни слова не сказала про то, что я не сдержала свое обещание!

Она шла по тропинке к трамвайной остановке и воодушевленно рассказывала о вчерашнем вечере подруге по телефону. Этот день был солнечным и теплым, будто разделял Ее хорошее настроение.

– Бойкот устроила, что ли?

– Какой бойкот! Она даже разогрела мне остывший плов!

Она периодически повышала голос от переполнявших Ее эмоций. Но хоть подруга и была рада за Нее и была готова разделить с Ней этот восторг, она все же решилась перевести разговор на ненавистную тему:

– Ну и что ты решила насчет…

И была тотчас же прервана. Из трубки донесся недовольный голос:

– Я не изменю свое решение. Я не собираюсь извиняться перед тем, перед кем не чувствую вины.

Выждав паузу, Она, вероятно, хотела получить ответную реакцию, но, не услышав ни звука, так же сердито продолжила:

– Не хочу извиняться просто для галочки, для нормализации отношений. Человек должен уметь: а) постоять за себя и б) признавать свои ошибки. А лично я устала.

И, выдохнув, повесила трубку. Она знала, что подруга точно не обидится, но, может, задумается и поговорит со своим парнем. Хотя наилучшим вариантом было бы их расставание.

Некоторыми днями ранее

Темноволосая женщина лежала на большой двуспальной кровати и неторопливо читала. Сегодня выдался очень трудный день, хоть и обыденный: дом, работа, детский сад, школа. Рядом лег мужчина – ее муж. Слегка приобняв жену, он включил лампочку, висящую подле прикроватной тумбочки, и заговорил:

– Ну и зачем ты на Нее давишь?

Женщина вздохнула. Отложила книгу, сняла очки.

– Я ни на кого не давлю. Я просто хочу, чтобы у нашей дочери было светлое будущее. И у ее братьев.

Мужчина, в свою очередь, тоже тяжело вздохнул и продолжил тему, которую начинал не раз:

– Ты очень требовательна ко всем. К себе в особенности. Никогда не похвалишь ни себя, ни других, потому что считаешь, что можно больше и дальше. Разве я говорю неправду?

– Правду, – тоном, которым обычно сознаются дети в каком-то нелепом преступлении, ответила женщина и перевернулась на бок. – Но я всегда очень радуюсь Ее достижениям в музыке, спорте, учебе. Она сильная, поэтому понимает меня.

Мужчина покачал головой:

– Ты неправа. Недавно я нашел замечательную книгу, которую стоит прочесть всем родителям. Как раз таки в том числе и о чересчур высоких требованиях. Мы стали забывать, что тоже были детьми. У нас были такие же проблемы, обиды на родителей. Так почему бы нам не пересмотреть свое воспитание? Или же мы хотим стать такими, как Фрау, о которой столь часто говорит дочь? Ее все ненавидят, хоть и уважают.

Женщина отвела взгляд и закусила губу. Становиться Фрау ей действительно не хотелось.

Тихая лунная ночь. В городе уже давно погасли все огни, кроме одного – окна той самой темноволосой женщины, которая часто заплетает косу. Она сидит на кухне с чашкой чая за чтением книги, потому что не хочет для дочери такой же судьбы, как у нее. Судьбы, в которой нет места для родителей, ведь она не хочет поддерживать с ними никакого контакта.

Часть 5

Еще не наступил полдень, как раздался телефонный звонок. Он нехотя взял трубку. Ему звонила Его подруга, что определенно порадовало, но не перекрыло тот факт, что девушка звонит в десять часов утра, на минуточку субботнего.

«Алло?» – сказал Он разрывающемуся мобильнику, на что последовал краткий ответ: «Разговор не телефонный. Жду тебя через полчаса у подъезда». Он отложил телефон с тяжелым вздохом. Отказать подруге Он, конечно же, не мог, поэтому пришлось подниматься. Выйдя в коридор, Он почувствовал приятный запах бабушкиных сырников. Улыбнувшись хорошему началу дня, Он прошел в ванную комнату.

***

Девушка сидела на лавке у подъезда вся как на иголках. Да, рассказывать о своих чувствах очень важно, как и высказывать свое мнение. Но в данном случае она действительно боялась потерять друга.

Дул прохладный ноябрьский ветерок, светило солнце. Девушка посчитала благоприятную погоду хорошим знаком, чем слегка успокоила себя.

Ждала она Его недолго. Буквально через пару минут девушка услышала звук открывающейся двери и встала с места, потирая ладони и поправляя волосы. На улицу вышел Он. Заспанный и с теплой улыбкой. Такой настоящий и такой дорогой. Неловко улыбнувшись, она спросила: «Останемся здесь или пройдемся?» Выбрав второй вариант, друзья пошли в сторону парка. Никто из них и не догадывался, что выйдет из этого разговора.

***

– Хочу раз и навсегда узнать, можем ли мы стать больше чем друзьями?

Выпалив это, девушка посмотрела на Него, ожидая реакции, и поняла, что у нее краснеют уши. Реакции как таковой на удивление не последовало. Он лишь закрыл глаза и поджал губы, собираясь с мыслями. Скорее всего, Он знал, что этот разговор рано или поздно произойдет, поэтому сказал:

– Я знал, что мы когда-нибудь затронем данную тему. И я бы хотел сказать, что очень тебя ценю, и отблагодарить за то, что ты для меня сделала.

Девушка остановилась, понимая к чему клонит друг. Однако она даже не расстраивалась. С ее души будто камень свалился. Ей было легко, и она была готова к любому исходу событий. Даже к не очень позитивному для нее. А Он тем временем продолжал:

– Ты поменяла меня, спасибо. Помогла из этого выбраться, за что я бесконечно тебе благодарен. Но ты и без моих объяснений прекрасно все знаешь.

Да, Его подруга действительно все знала. Но абсолютно не понимала Его точку зрения. Он считал, что, раз их окружения столь разные, ни Его, ни Ее не примут. Но разве это проблема?

– А какой смысл жить для других? Если тебе правда Она так нравится, начни общение. Если тебе действительно хочется поступать в МЭИ, скажи об этом маме. Пока ты будешь подстраиваться под других, ты и глазом не успеешь моргнуть, как жизнь пролетит мимо тебя. Если я тебе так дорога и важна, как ты говоришь, сделай то, на что ты не решаешься из-за глупого мнения общества!

Девушка продолжала говорить, но Он уже не слышал. Он замер, осознавая и переваривая все сказанное ею. Слова подруги правда были очень важны для Него, поэтому, сказав спасибо, Он крепко прижал ее к себе и пошел на трамвайную остановку.

Девушка смотрела Ему вслед. Ей никогда не нравилась фраза: «За свое счастье нужно бороться». И в этот день она поняла чем. В данной фразе не хватало одного слова: «За счастье своего человека нужно бороться».

Послесловие

Они стояли порознь под козырьком столь знакомой трамвайной остановки. Шел дождь. Очень неприятное явление для конца ноября. Хотя кому-то такая погода и нравится: слякоть, холодно, в наушниках музыка, зонт или капюшон. Своя романтика.

Трамвай, как назло, долго не ехал. Ей было очень неуютно. Он подошел к Ней:

– Ты чего дрожишь? – спросил Он с улыбкой и посмотрел на Нее с такой нежностью, что любой бы на месте растаял. – Замерзла?

– Нет, – дрожа, ответила та.

Он лишь приподнял брови.

– Ты не думай, что я это из вежливости. Просто тебе, наверное, действительно холодно. Ты очень легко одета. Давай я…

– Нет, правда все нормально, спасибо, – перебила Она Его.

Но Он будто пропустил эти слова мимо ушей и протянул Ей свою толстовку, которую только что достал из рюкзака. Она с сомнением взяла ее и с опаской накинула поверх своей.

– Может, мы прогуляемся как-нибудь…

Максим Костин,
11 «В»

Жизнь порою преподносит нам неожиданные сюрпризы, о которых позже мы всегда вспоминаем с невольной добродушной улыбкой. Удивительно, дорогая, но даже здесь – вдали от всего мира, в пустом космическом пространстве, откуда видны лишь звезды, – такие случаи тоже нередко случаются.

Рабочий день кончился, я сидел у себя в комнате, собираясь с мыслями. И вот как только я взялся за ручку, чтобы написать тебе, в дверь тихонько постучались. Это не мог быть мой напарник, так как он всегда входит без стука. Г-н Бирюков, наш начальник, постоянно в разъездах, поэтому увидеть его на станции – большая редкость. Если бы это были нежданные гости, система оповещения уведомила бы нас об этом.

Так что в мгновение меня охватила тревога: сердце заколотилось, а глаза метались из стороны в сторону, ища какой-нибудь большой крепкий предмет или возможность скрыться. Для последнего времени у меня не было, поэтому я сразу принял решение встретиться со своим страхом. Ничего лучше термоса я не нашел. Схватив его, будто биту, я встал в боевую стойку, готовясь при появлении нечто нанести превентивный удар. Дверь начала открываться. В этот момент мои нервы были словно перетянутые струны, что вот-вот порвутся. Спустя еще несколько секунд дверь отворилась, и показалась полная фигура моего начальника. Я глубоко выдохнул и, чуть не упав, спросил:

– Чай будете?

Г-н Бирюков залился смехом. Я чувствовал себя обманутым. К тому же мне стало немного стыдно за такую нелепость.

– Ох, какие вы смешные, молодые! – сквозь хохот проговорил Бирюков. – Как тебе в голову это пришло?

– Ну, – стесняясь, начал я, – Генри заходит, не считаясь с правилами приличия, а вы так редко бываете на станции, что я о вас и думать бросил. Оповещение не работало. Никого другого на станции не бывает, вот я и…

– Схватился за шпагу. – Потом, улыбнувшись, мой начальник добавил: – Точнее за термос.

– А вы, собственно, по какому поводу-то пришли? Рабочий день же кончился.

После моей последней фразы Бирюков немного замялся, отвел глаза в сторону и нехотя, со вздохом тихо сказал:

– Да, знаю. Тут вот какая ситуация. Завтра мне снова нужно улетать. На этот раз необходимо подать справки об исправности оборудования дополнительного хранения. Проблема в том, что из-за постоянных поездок я не успел навести справки об этом вовремя. Генри захворал, а до завтра я один не справлюсь, ты бы мог мне помочь?

Я, недолго подумав, согласился, так как не хотел подводить этого добряка. Он ведь имел право приказать мне это делать, а все-таки пришел с просьбой.

Работа была вовсе не сложной, правда, во многом муторной и однообразной. Но, к счастью, мы закончили ее быстрее, чем ожидали.

Как только я собрался уходить, Бирюков остановил, посмотрел на меня, припоминая, видимо, тот нелепый случай, затем сказал:

– Пойдем, у меня есть кое-что для тебя.

Он привел меня наверх, где находилась его комната. Как только я вошел, я испытал странное чувство, будто когда-то уже был здесь, хотя на самом деле оказался тут впервые. Меня поразило внутреннее убранство этой комнаты, а также возникшее чувство уюта и комфорта, которое мне казалось забытым на станции.

В конце комнаты под большим панорамным окном стоял длинный черный стол со всеми при-

читающимися приборами, на полу был расстелен мягкий шерстяной ковер, а на стене справа от входа висела небольшая картина волшебного снежного леса, озаренного лунным светом. Под этой картиной находились тумбочки разного размера, в которых Бирюков начал что-то искать. К другой стене был приставлен большой шкаф, часть которого занимали книжные полки. Я начал разглядывать книги, что находились на этих полках. Однако больше всего мое внимание привлекла фотография в рамке, обособленно стоящая среди книг. На ней Бирюков одной рукой ласково обнимает свою жену, а другой крепко держит маленькую дочку. По всей видимости, фотография была сделана давным-давно, так как на ней мой начальник еще молодой и не успел растолстеть. К счастью, его радушная улыбка и роскошные усы с годами вовсе не изменились. Также на фотографии была аккуратно выполненная красивым почерком подпись: «Помни о любви!» И вдруг я, не знаю почему (возможно, оттого, что устал, или оттого, что хотелось поговорить), неожиданно для себя спросил:

– Что такое любовь, по вашему мнению?

– Любовь… – Бирюков сначала отвел взгляд в сторону, что-то вспоминая и раздумывая, как лучше ответить, затем сказал: – Это великая жизненная сила.

– Сила?

– Да. Существуют лишь две силы: любовь и пустота. Пустота – это отсутствие любви, а любовь – это заполненная пустота. Все благие поступки и чувства идут от любви, а все плохие – от пустоты.

Он окинул меня взглядом и, увидев мой подлинный интерес, продолжил:

– Счастливый намеренно никогда не сделает ничего дурного, потому что переполнен любовью. А несчастный невольно будет стараться заполнить свою душевную пустоту любыми, порой даже очень жестокими способами. Но как бы он ни старался, любовь нельзя купить или отнять, ее лишь можно получить в дар.

– Красивые слова.

Большего я сказать и не мог, так как был поражен глубиной и простотой этой мысли. Я не заметил, как впал в задумчивость, и не увидел, что этот открывшийся для меня с новой стороны человек протягивает мне странного рода предмет, чем-то похожий на металлическую сферу.

– Что это?

– Награда за помощь – головоломка, которую я когда-то приобрел на космическом рынке у одного бродяги. Я так и не смог ее собрать. Возможно, она сломана, а может, я просто не разгадал секрет этой штукенции. Надеюсь, она скрасит тебе грустные вечера.

Я поблагодарил Бирюкова, пожелал ему хорошей дороги, а потом ушел к себе, где почти сразу крепко уснул.

И вот сейчас, когда я пишу тебе это письмо, я вспоминаю его слова насчет любви и думаю, а ведь, возможно, так это и есть. Тогда почему бы нам просто не помогать друг другу и не любить весь мир, ведь это должно быть так легко. А может быть, как раз это самое простое и есть самое сложное в мире? Как ты думаешь, дорогая?

Варвара Кузнецова,
10 «А»

***

Когда зовут тебя вершины
И снежных шапок хладный лед,
Когда с полями вы едины
И чувствуешь орла полет,

Когда в ущельях каменистых
Бежишь за звонкою рекой,
От блеска капель серебристых
Не закрываешься рукой,

Когда ты дышишь в ритм ветра
И ржанье слышишь табуна,
Неважно, кто ты есть и с кем ты, –
Прошепчешь: «Вот земля моя…»

Григорий Кузьмичев,
11 «А»

Сказка о двух братьях

Маленький Джек бежал сквозь каменный коридор. Под широкими сводами гулко звучал топот его ножек. Дыхание сбилось, короткие рыжие волосы растрепались и взмокли. Но мальчик продолжал бежать, сжимая что-то в крошечном кулачке. Он, видимо, бежал уже довольно долго, так что его упорству можно было только позавидовать.

Наконец Маленький Джек вбежал в огромный зал, словно вытесанный в горе. Тут и там из стен торчали кристаллы разных цветов, и их разнообразию могла позавидовать любая сокровищница. Рубины, изумруды, сапфиры, алмазы, аметисты… Этот список можно было бы продолжать еще долго.

В центре зала лежал Сауртанг, брат Маленького Джека. Последнему брат казался огромным и спокойным, как скала. Его гулкое дыхание разносилось по всей комнате. Подойдя, Джек начал трясти Сауртанга:

– Проснись, братик, проснись! Смотри, что я нашел, смотри!

Открыв свои огромные глаза, Сауртанг посмотрел на малыша. Тот держал в раскрытой маленькой ладошке сине-черную светящуюся гусеничку. Удивительно, как мальчик не раздавил ее, пока бежал.

– Красивое создание… – голос Сауртанга разнесся по залу словно гром. – Где ты его раздобыл?

– Гулял по пещерам и нашел около Зеленого озера, – голос Джека дрожал от возбуждения, а глаза горели радостным огнем. – Как думаешь, она ест камушки? Мы сможем ее хранить?

– Если честно, я не уверен, Джекки, – старший брат осмотрел гусеничку со всех сторон. – Мне кажется, она ест те растения, что на краю озера. Можешь набрать, и мы вместе посмотрим, что она кушает…

– Хорошо, братик! – звонкий голосок Джека отдавался эхом в голове. Топот маленьких ножек удалялся, пока совсем не стих.

К голове Сауртанга подлетела Шива. Она была то ли феей, то ли духом, сопровождавшим Сауртанга, а с некоторых пор и Джека, в течение долгого времени. Ее крошечная, стройная, мерцающая зеленым фигурка и звенящая речь постоянно были где-то рядом.

– Ты уверен, что это безопасно? Вдруг он свалится и утонет в озере? – Шива уселась на нос старшего брата и свесила ножки.

– Эти пещеры – его дом. Не думаю, что он здесь потеряется. К тому же, если что, я буду рядом, – голос Сауртанга не дрогнул при предупреждении о гипотетической опасности.

Помолчав, фея спросила:

– Как долго ты будешь скрывать это от него?

– Что? – Сауртанг подозрительно прищурился.

– Что ты не его брат.

– Ну, вообще-то для него я и есть брат.

– Ты дракон, Саурт! Ты огромный огнедышащий дракон! Как думаешь, сколько еще Джек будет пребывать в блаженном неведенье? И когда он начнет задавать вопросы, почему вы такие разные? – Шива взмыла и встала прямо на вытянутую морду Сауртанга.

– Если воспитать его нужным образом, то этих вопросов возникать не будет. Возможно, когда-то я ему все расскажу. Возможно.

Помолчав еще с минуту, Шива поинтересовалась:

– Зачем ты вообще взял его к себе?

– Отец Джека ушел из дома, когда ему был год или два, а мать поехала крышей. Одевала его в женские платья, душила его ночами, орала фразы из их священной книги – не помню, как она называется у людей. Дети на улице смеялись над ним, закидывали отходами, один раз чуть не утопили в бочке. Это чудо, что ему удалось выжить…

– Я не об этом, Саурт, – фея отмахнулась. – Почему ты решил взять его?

– Нууу… – дракон замялся, – сначала… Знаешь, какое чувство возникает у людей, когда они смотрят на пушистых белых котов?

– Не уверена. У фейри иное понимание красоты, ты сам знаешь.

– Короче, когда я увидел Джека, бегавшего по полю, у меня было примерно такое чувство. Я и подумал, почему бы не взять его себе? У себя в селении он все равно долго не протянет, а так хотя бы мне радость. Как-то так.

Сауртанг неуверенно сидел на своем месте. От его прежней невозмутимости не осталось и следа. Удивительно, как может вывести из равновесия такое маленькое создание, как Шива. Она как раз ехидно продолжала:

– То есть для тебя Джекки не более чем домашний питомец?

– Поначалу да, – под чешуей Саурт уже покраснел настолько, насколько он мог. – Но потом появилось Это

Чувство… Драконы обычно такое не испытывают. По крайней мере, я о таких не слыхал. Видимо, именно его люди называют Любовь-к-ближнему.

– Бааа, – Шива по-актерски развела руками, – кого я слышу? Это ли Сауртанг Пещерный, Король Камней, Разоритель Городов-Близнецов, Пожиратель Скота, Красная Кара? Не похоже на того, кто без зазрения совести сжигал по молодости деревни.

– Для дракона я еще достаточно молод… – уже не скрывая своего отношения к ситуации, буркнул Сауртанг.

– Пятьсот лет, Саурт. Да, драконы могут дожить и до тысячи, и до двух тысяч лет, но многие гибнут под залпами осадных орудий, не прожив свой первый век. Тебе удалось преодолеть этот порог. Тебя, вероятнее всего, ждет долгая и полная событий жизнь. И тут ты решаешь обременить себя человеческим созданием, которое еле доживает до пятидесяти. Почему? Я тебя не понимаю.

– Я сам себя не понимаю, Шива, – дракон опустил огромную голову и прикрыл свои желтые глаза, каждый по высоте как шкаф. Он мог бы быть страшным, но те, кто его окружал, не боялись его. – Любовь у людей – странная штука. Да и у драконов, видимо, тоже.

– Ты размяк, старина. Мне кажется, ребенок плохо на тебя влияет, – фея подлетела к правому глазу Сауртанга. – Может, тебе все же стоит избавиться от него?

Правый глаз стремительно распахнулся. Фея увидела, как его желтизна покрылась сетью алых прожилок. Вот теперь Шива узнавала того Сауртанга, которого знала. Сильного, свирепого, неукротимого.

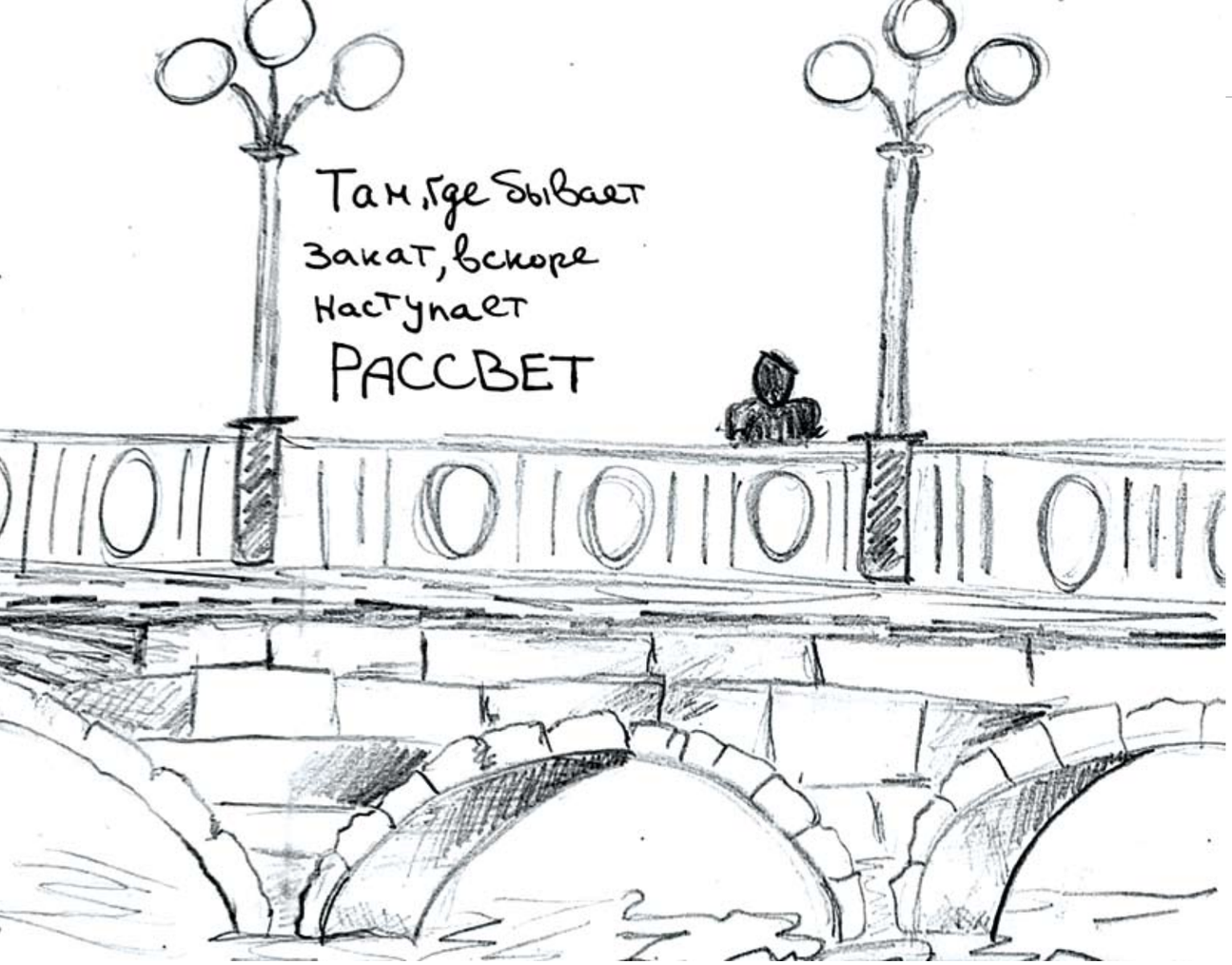
– Слушай, ты, мелкое создание. Я не обязан отчитываться перед тобой за свои поступки. Джек очень важен для меня, и любая мысль о его исчезновении для меня омерзительна. Даже не пытайся что-то сделать, иначе с тобой случится то же, что с Городами-Близнецами. Ты меня поняла, фейри? – голос дракона разнесся по пещере словно гром.

– Да, Сауртанг, – Шива пыталась скрыть свой страх, но все же ее трясло.

– Хорошо, – Сауртанг моргнул, и его глаз вновь стал обычным, желтым. – Ладно, надо найти Джека и проверить, все ли в порядке. Он должен быть рядом с Зеленым озером. Ты со мной?

– Конечно, Саурт. Конечно.

Дракон встал и, сотрясая пещеры каждым шагом, направился в один из проходов, а Шива полетела вслед за ним. Она подумала, что, возможно, Сауртанг действительно любит этого Маленького Джека. Фея понимала, что никогда не познает, какова она – Любовь-к-ближнему. Ведь фейри не знают этого чувства. Впрочем, до сегодняшнего дня Шива считала, что и драконы не умеют любить…



Александра Купецкая,
10 «А»

Ненадежный рассказчик*

– Занятная история… занятная,– протянул я, сделав затяжку и слегка качнувшись в кресле.

Молодой человек напротив меня несколько стушевался и сжал губы в тонкую бледную линию. Зрачки его глаз забегали – нервничал. Я снисходительно усмехнулся: порой они забавные. Разных возрастов, полов, с разными ценностями – все они перманентно одинаковы. Смущаются, переживают. Хотя мне ли судить их за это? Я знаю все их глубинные тайны, пороки, мотивы. Знаю, что они осознают, в какой степени их жизни зависят от меня. Одно движение моей руки – они исчезнут или получат все, о чем мечтают.

Я небрежно махнул рукой сидящей подле меня девчонке.

– Записывай.

– Всё? – равнодушно спросила она, приподняв бровь и даже не повернувшись в мою сторону.

Девчонке лет девятнадцать, а совсем меня не боится, как все они… Знает: ее-то я ни за что не трону. Она – сердце моих дел. Любых.

– Нет,– наконец сказал я, подняв взгляд на молодого человека.– Значит, говоришь, убийство не удалось?

– Жертва сбежала,– слегка кивнул парень.

– Жаль, жаль, – медленно покачал я головой. – Ты пьешь?

Юноша округлил глаза.

– Нет, что вы! На работе ни-ни.

Я лукаво улыбнулся.

– Лжешь, парень, лжешь. Сколько ты пил в тот день?

Парень молчал. Из моей груди вырвался тяжелый вздох. Ложь… Ложь… Я терпеть не могу ложь. Я хочу знать обо всем произошедшем в деталях. Хочу видеть каждый новый рассказ одного из них через призму трезвенника. А он врет.

– Немного,– все-таки выдал парень.

Рядом послышался смешок. Я повернулся к девчонке. Она тут же скрыла ехидную улыбку.

– Тогда мы с вами, молодой человек, вынуждены на этом распрощаться. Задание ты провалил, трезво взглянуть на собственную историю не можешь. Как же мне общаться с тобой?

Парень подскочил с места. Деревянный стул позади него с грохотом упал. От резкого звука проснулся мой кот, зло зашипев на юношу и вспрыгнув на подоконник.

– Неугомонное животное,– устало вздохнул я.

Девчонка встала со своего места и подняла книгу, которую уронил несносный котяра. Книга упала мне на колени с глухим хлопком, и я возмущенно посмотрел на девчонку. Она же лишь пожала плечами.

– Я окошко приоткрою? – мило спросила она, склонив голову набок.

– Это еще зачем?

– Вы своими сигаретами невыносимый смог напустили.

Не дождавшись ответа, нахалка открыла окно. В помещение ворвался порыв ветра, и я почти видел, как по телу все еще неловко и невпопад стоявшего поодаль молодого человека понеслись прочь теплолюбивые мурашки. В камине потух огонь, а со стола девчонки упал лист бумаги, на котором она писала.

Я устало покачал головой, но выговор сдержал.

– Юноша, тебе стоит показать выход? – риторически спросил я вместо этого.

Парень испуганно зыркнул на меня и поспешил выйти из квартиры. Шагов больше слышно не было.

– Исчез,– подытожила девчонка.

Я кивнул и посмотрел на упавший лист, где было всего одно слово: «Конец». Грузный хохот разнесся по комнате. И все-таки у нее есть чувство юмора.

– Чем он вам не понравился? – спросила девчонка.

– Ненадежный он. Ненадежный рассказчик.

– Да и исполнитель не очень.

– Зачем спрашиваешь, если знаешь?

Она лишь улыбнулась.

Я закрыл ноутбук, стоявший на столике рядом. Девчонка медленно исчезла.

Да уж, ни одного достойного кандидата. Хоть бы кто рассказал что-то правдивое и толковое. Все они считают себя лучше предыдущих: умнее, талантливее, интереснее. Чушь, да и только. Они наивно верят, что сами могут решить свою судьбу, повлияв на меня. Одного они не понимают и не поймут, пока я не захочу этого: они не пишут свои жизни – их пишу я.

Я вершу судьбы, творю истории, создаю образы. Моя жизнь – венец всех их жизней. От меня зависит все.

Рядом послышалась вибрация. Я лениво поднял трубку. В уши ударил едкий высокий женский голос. Столько лет, а я все никак не привыкну. Она что-то болтает о разводе, документах, детях. Я вдохнул. Этот развод – один сплошной цирк. Она меня любит. Так или иначе. Страстно или нежно. Громко или тихо. Не столь важно. Главное – любит. Я что-то пробормотал ей в ответ, и звонок завершился.

Люди… интересные создания. Все *они* – тоже люди. Кто-то – мой любимчик, как девчонка. Таким повезло материализоваться в слова. Кто-то – мимолетная фантазия, как исчезнувший лгун с историей о мафии. Такие навсегда останутся бесплотными сущностями. И все же *они* не совсем люди, нет. Плод моих образов и решений, но не люди.

А вот люди… Они странны и непонятны.

Раздался звонок. Я встал и медленно направился к двери. Снаружи показался… человек. Хотя этот был моим другом. Наверное. Как бы то ни было, он вошел и по моему щедрому приглашению присел на диван.

Садиться на диван мог только он. Кресло – мое пристанище, а стулья – *их* удел. Но он мог сесть на диван.

– Ну, что расскажешь? – дружелюбно улыбнулся он.– Как жена, дети, жизнь вообще?

– Она думает, что хочет развода,– неохотно протянул я, упав в свое кресло и растянувшись в нем.

– Думает? – приподнял брови он.

– Не хочет она, это очевидно.

В комнате повисла тишина. Мой друг лишь качал головой.

– Почему тебе так кажется?

---

* Ненадежный рассказчик – герой-повествователь, сообщающий заведомо недостоверную информацию. При этом происходит нарушение негласного договора между автором и читателем, по которому события должны описываться достоверно.

– Мне не кажется, – отрезал я, словно рыча сквозь зубы. – Я знаю.

Он встал и подошел к камину, мирно зажигая в нем снова огонь. Его движения были нерасторопными, спокойными. Почти до лязга умиротворенными. Это невыносимо раздражало. Иногда я ловлю себя на мысли, что он выводит меня из себя так же, как *они*. Даже этот дом весь выводит меня из себя. Его выбирала жена. Все мягкое, пушистое, идеальное. Пацифичное, я бы сказал.

– Откуда ты знаешь? – наконец спросил он.

Кот спрыгнул с подоконника. Я вздрогнул. Чертово окно все еще открыто.

– Чего ты ожидаешь от *них*? – послышался неожиданный вопрос.

– Что? – поднял брови я.

– От *них*, – повторил он, сложив руки на груди и оперевшись на стену. – Ты не любишь, когда *они* тебе лгут, да? Не любишь, когда *они* пьют? Почему?

Я ошарашенно смотрел на него. Миллион вопросов пронеслись в голове. И все же я мог лишь покорно давать ответы вместо вопросов.

– *Они* не могут трезво оценить события. Никакому писателю не нужны ненадежные рассказчики.

Он криво усмехнулся.

– Но кто же тогда их делает такими, если не ты? Ведь *они* – это ты, разве нет?

– Я…

В горле встал ком. Нет. Подождите. Я – не *они*. Их нет. *Они* – не люди. Я человек, я жив, я реален.

– Откуда ты знаешь?

Я вздрогнул.

– Нет, ты не говорил вслух, – он сел на стул.

Я хотел его остановить, сказать, что он не может сидеть там, но что-то мне помешало.

– Так откуда ты знаешь?

– Я живой, – упрямо мотнул я головой.

– *Они* тоже. В их мире *они* живы, – равнодушная бровь приподнялась вверх.

– Я сам пишу свою судьбу. Я знаю это.

Я ощущал напряжение в собственном теле.

– *Они* тоже это знают. Но ты считаешь, *они* ошибаются. *Они* не видят полной картины, не так ли?

Я кивнул. Он снисходительно надул губы.

– Но ведь и ты тоже.

– Я…

Он встал и подошел сзади к моему креслу, склоняясь надо мной.

– Это твой мир? Ты точно знаешь о нем все?

– Я…

– Занятно… Занятно. Но нет, – его рука потянулась к ноутбуку на столике рядом.

Он был открыт. Но я точно помнил, что закрыл его. И все же.

– Ты не знаешь ничего. Ты прекратил знать. Писателям не нужны ненадежные рассказчики.

Он захлопнул ноутбук. Я почувствовал, словно все вокруг растворялось: квартира жены, яркий камин, несносный кот, стул девчонки, мое кресло, фотография детей, книга, телефон, подоконник. Я понял. Растворялся, наверное, я.

Алёна Салтыкова, 10 «В»

***

Я по руке читала и по звездам,
Что вас любить – себя похоронить.
Но, часто предаваясь смутным грезам,
Я не смогла любимого забыть.

Вы в сердце, в отдаленном уголке,
Где льется гейзер закипевшей крови,
Где чувства на кузнеческом станке
Куют мне жизни тяжкие оковы.

Кристина Фадекова, 11 «А»

Янтарь

На крутом скалистом морском берегу росла стройная и высокая сосна. Ее мохнатые зеленые ветви-руки были распахнуты навстречу солнцу и ветру. В ясный день сосна была… видна со стороны моря.

Каждый раз уходившие на промысел рыбаки приветливо махали сосне рукой, а вечером, возвращаясь с уловом, искали взглядом красавицу-сосну, которая служила им своеобразным маяком.

Сосна также с трепетом и волнением ожидала возвращения рыбаков. Со своего возвышения она наблюдала, как они причаливают к берегу, с трудом выгружают из лодки пойманную рыбу, которую тут же разбирают и разносят по домам женщины и дети, встречающие своих кормильцев, затаскивают лодку подальше от морских волн, развешивают для просушки сети и неторопливо направляются к домашнему очагу.

Сосна успокаивалась и, встряхнув своими иголками-хвоинками, медленно засыпала. Такой порядок проводов и встреч рыбаков оставался неизменным долгое время. Не всегда море было спокойным и безмятежным. Иногда ветер поднимал высокие волны, и морские брызги достигали даже корней сосны. Но и в такие дни рыбаки выходили в море, и сосна с беспокойством вглядывалась в морскую даль, стараясь сквозь водные капли разглядеть силуэты мужчин.

В один хмурый, дождливый и ветреный день рыбаки, как всегда, вышли в море. Многометровые холодные волны сразу подхватили лодочку и быстро понесли ее вдаль от берега.

Сосна понимала, какому риску подвергаются жизни рыбаков. Она напряглась, стараясь как можно дальше вытянуть свою верхушку, чтобы рассмотреть утлое суденышко среди морской стихии. Но огромные волны и все усиливающийся дождь мешали ей. Наступил вечер. С каждой минутой чувство беспокойства увеличивалось. Послышались раскаты грома. Яркая молния на миг осветила берег, и сосна увидела стоящие семьи рыбаков, прижавшиеся друг к другу.

Прошла страшная ночь, но наступившее утро не принесло облегчения. Шквалистый ветер и настоящая морская буря не прекращались. Минули вечер, ночь. Наступил очередной сумрачный день. Лодка не вернулась.

До сосны стали доноситься звуки детского плача и женских криков из домов, покинутых рыбаками.

Она поняла, что больше не увидит радостные лица людей, возвращающихся с уловом и предвкушающих встречу со своими родными и близкими.

И сосна заплакала. На ее стволе выступили слезы. Смола текла по телу сосны тонкими ручейками, сползая на землю и скользя по скалистому обрыву, утопая в море.

Прошло много времени.

Маленькая девочка, с веселым хохотом шлепая босыми ногами по морской воде, вдруг увидела среди чистого песка темно-желтые камешки.

– Папа, смотри, какие интересные камешки я нашла! – закричала громко девочка.

– Дочурка, да это же янтарь, застывшие слезы сосны, – объяснил папа. – Этот камешек вобрал в себя красоту моря, тепло солнца, свет ясного и чистого неба. Янтарь является символом надежды, верности и добра. Сохрани, дочка, эту частицу живой природы.

Варвара Яновская,
10 «Б»

Пастух

В одной тихой деревушке, где чистое небо, пение птиц, шелест листьев и благоухание полевых цветов были такой глупой обыденностью, жил пастух. Все его называли чудаком, что было вполне объяснимо: он ни с кем не разговаривал, кроме своих овец, которые всегда покорно следовали за ним. Каждый житель этой деревни так же, как и любой приезжий, желал узнать секрет такого послушания со стороны животных. Но пастух отказывался разговаривать с людьми, объясняя это усталостью и недостатком сил на еще одних овец. Логично полагать, что отнюдь не многие его уважали, почти все относились к нему пренебрежительно и в шутку называли «усовершенствованным пастухом» – старались употребить всевозможные колкие словечки из поверхностно прочитанных ими книг, показывая тем самым свой фальшивый интерес к «современной» литературе и выделяя из произведений лишь мелкие детали, а не основной конфликт.

Но вернемся к пастуху (который на самом деле был не усовершенствованным, а только походил на усовершенствованного). Он на всех смотрел свысока и лишь на некоторых обращал внимание – наблюдал с каким-то загадочным прищуром, выпытывающим все сокровенные думы. А предметом его вечного поиска были умные люди с красочным потоком мыслей. Его не понимали, потому что, безусловно, все крестьяне считались пустыми и необразованными людьми, которыми не двигала страсть к познанию мира и которые не были ни на что способны, кроме как послушно выполнять свой вечный долг перед помещиками.

Однажды в деревне поселилась очередная семья, бежавшая от своих долгов и проблем из города. Это стало таким частым явлением, что можно было совершенно спокойно встретить давних знакомых на новом месте жительства. Пастух не обратил внимания на приезд еще одних светских особ, он давно разочаровался в жителях деревни и давно ни в кого не вглядывался. Многие говорили, что он даже потерял хватку в уходе за своим стадом. Но пастуху было не до провокационных сплетен. Он постоянно думал о чем-то своем, изредка делясь с овцами. Те отвечали только «Бе-бе-бе», хотя ему этого было вполне достаточно для продолжения странного диалога…

Предлагаю вернуться к приезжей семье. Тут должно быть знакомство с каждым из ее представителей, описание их внешности, привычек и мелких особенностей, добавляющих лишь скудные отличия между ними, однако не облегчающих задачу в понимании их внутренних тревог и переживаний. Скажу лишь, что, как и все остальные семьи, они пытались изобразить из себя гордых, самоуверенных, образованных и интеллектуальных личностей, за масками которых на самом деле крылся лишь страх. Единственная, на кого я могу обратить ваше внимание (только потому, что она является неотъемлемой частью истории), – девушка Мэри. Она считала, что умные и неординарные мысли постоянно срывались с ее уст и сразу же брали верх над чужими – благодаря не только их богатому изложению, но и способности выражать глобальные прогрессивные идеи с индивидуальной позиции. Заметим, что это всего лишь ставило ее на другую параллель, не пересекающуюся с менталитетом окружения, но не сильно отходящую от общего истока.

По приезде она была уже наслышана о пастухе с прескверным прозвищем. В родном городе ее называли на похожий манер, и поэтому нетерпение узнать чуть больше об этом необычном, но в чем-то близком ей человеке накапливалось с каждым днем. Когда любопытство достигло апогея, она решилась на визит. С того самого момента и началось сказочное родство душ.

Был солнечный ясный день. Босые нежные ножки девушки неуверенно пробирались к бродившим овцам на ближайшем поле. Пастух заметил ее приближение чуть раньше и с интересом наблюдал за ней.

– Хорошая сегодня погода, не правда ли? – крикнула Мэри издалека.– Так и хочется раствориться, позабыть обо всем, наслаждаясь природой.

– Как видите, я этим и занимаюсь, – с отстраненной задумчивостью промолвил пастух.

Осмотрев собеседника, девушка молча села рядом с ним на старую деревянную скамью.

– Наслаждаться… Это сложно. Особенно когда печальные и тяжелые мысли не дают желанного покоя.

Пастух промолчал, но через некоторое время задал вопрос, позволяющий высказать все банальные переживания, разрывающие сердце юной девушки.

– Так и что же вас тревожит?

Мимо пробегали шаловливые ребятишки, крича что-то друг другу вдогонку. Мэри призадумалась и вскоре ответила:

– Говорят, что дети – цветы жизни…

Пастух по привычке слегка кивнул головой и перестал теребить хрупкую травинку, ожидая продолжения.

– Но что тогда жизнь? Плодородная земля, порождающая людские судьбы, или кладбище, где даже аккуратно сложенные свежие цветы не благоухают?

Молодой человек лишь получше всмотрелся в серьезное лицо девушки и нежно улыбнулся ее наивности.

– Мэри, вы ставите такое широкое понятие в чересчур узкие границы. Жизнь у каждого из нас уникальна. Мы все – художники, а наши картины – неповторимы. Именно поэтому ее невозможно ни с чем сравнить. Другой вопрос, проявится наш талант или так и останется гнить, не найдя должного применения…

Итак, эти двое обсуждали темы, далекие от мировоззрения и ценностей жителей ближайшей деревни ровно так же, как и от истины, даже мне неизвестной.

С тех самых пор Мэри постоянно наведывалась к пастуху. И с каждым днем она все больше мучила себя попытками понять смысл своего существования, боялась сомнений и хотела избавиться от них. Но чем больше она общалась с пастухом, тем сильнее угнетала себя вечными вопросами, теряла свою милую уникальность, зеленое красноречие и постепенно начинала потухать, потухать, потухать… В очередной поход к своему другу Мэри терзала душевная боль. Она рассказала ему о людях, об их коварности и… о счастливых глупцах. В какой-то момент из ее уст вылетело что-то неосознанное и непродуманное до конца:

– Помнишь, ты говорил, что я умна? Не поверишь, как сильно я хочу быть такой же глупой, как и все эти овцы! – с привычной артистичностью она указала на стадо и, печально выдохнув, погрузилась в эту отдаленную мечту.

Пастух лишь переспросил:

– Ты не хочешь быть обличителем всего сущего?

Мэри обрадовало смутное понимание в глазах друга, и она беззаботно повторила:

– Да… это принесло бы в мою жизнь столько спокойствия!

Она так мечтательно это прошептала, что пастух задумался на некоторое время, затем в растерянности ушел в свой погреб и через несколько минут вернулся с запыленной коробкой, которую явно не доставали уже очень давно, скрывая от лишних глаз. Все овцы, бродившие по полю, вдруг столпились в одну кучу рядом со старой скамьей. Пастух, в свою очередь, достал колбочку, в которой была жидкость приятного зеленого цвета. После он нарушил гнетущую тишину, полную интриги и ожидания, совершенно обычной фразой, которую многие знали и без него:

– Мэри, нам стоит бояться своих желаний. Они могут исполниться.

Продемонстрировав колбочку с жидкостью еще раз, он продолжил:

– Хватит одной капли, дабы освободить тебя от гнетущих мыслей.

Мэри недоверчиво посмотрела на колбочку, а после с недоумением взглянула на пастуха и в испуге убежала, придумывая отговорки не возвращаться.

Может, это покажется вам странным, но через некоторое время неожиданно для самой себя наша бедная эгоистичная Мэри вернулась и с понурым взглядом попросила у пастуха это противное «глупое» противоядие.

Как только первая капля коснулась губ девушки, из головы моментально ушли все тоскливые, угрюмые мысли, вместо них появилась потребность лишь в сладкой, зеленой, сияющей на солнце траве. Да-да, вы все правильно поняли. Мэри превратилась в самую обычную белую овцу с пушистой и приятной шерсткой, а крики «Я глупа! Я глупа! Какое счастье!» стали последними криками в ее сознательной жизни.

Пастух грустно улыбнулся, посмотрел вдаль и повел свой скот пастись дальше в поля, где чистое небо, пение птиц, шелест листьев и благоухание полевых цветов были такой глупой обыденностью.

А что, если сменить палитру?

Даниил Шандалов,

лауреат Премии 2020 года в номинации «Человеческое измерение»

О гимназии я знал с самого детства, видел учителей и выпускников, слушал разные истории от родителей. Сразу стало ясно, что это совершенно особенный мир, в котором все по-другому, будто отдельная страна. Как только я пришел в пятый класс, понял, что все именно так. Сколько уже было написано и сказано про традиции, про особую атмосферу, про учителей, которые становятся настоящими товарищами, про поездки, походы, концерты – все и так об этом знают. Попробую написать немного про другое, про то, какой выбор мы делаем каждый день, как оцениваем происходящее, как реагируем на окружающих. Ведь гимназия – это место, где не только тепло и весело, но порой еще и очень сложно.

Большая семья – большие проблемы. В гимназии мы учимся общаться с людьми, и бывает, что это общение складывается совсем непросто. К каждому учителю, как и к каждому ученику, нужно уметь найти подход, ведь все люди разные. И те трудности, с которыми мы сталкиваемся, – это невероятный опыт. Я благодарен гимназии за все, что здесь со мной происходило, ведь фактически именно она сформировала меня настоящего. В гимназии проходит важнейший этап взросления, когда человек начинает сам себя осознавать, впервые сталкивается с реальными трудностями. И наверное, это лучшее место, где можно решать все эти проблемы и познавать себя, ведь всегда можно найти поддержку и со стороны учителей, и со стороны одноклассников, выпускников, психологов. В гимназии ничего не происходит случайно. Каждый раз, когда вам кажется, что ситуация безнадежная, несправедливая, попробуйте абстрагироваться и взглянуть на вещи с другой стороны. Что можно вынести полезного? Для чего с вами это происходит? Бог, или Вселенная, или Душа (как кому легче это понимать) не совершают ошибок. Не зря говорят: «Все, что ни делается, к лучшему»…

В своей «Пирятинской лекции» хочу поделиться с вами одной историей. Два года назад я решил выписать на листок А4 все, что меня тревожит, все проблемы с учебой, с друзьями, с семьей. Неуверенность в себе, страх быть неинтересным и навязчивым, страх, что ничего не получится, – все это каждый день фоном сопровождало меня, и я знаю, что я совсем не один такой. Когда кончилось место на листке и писать было уже некуда, я понял, что мне нужна помощь. Я обратился к психотерапевту, стал читать различную литературу на тему психологии, духовных практик, детских травм, любви к себе и так далее. И постепенно мир и мое ощущение в нем начали меняться. Не могу сказать, что теперь я самый счастливый и ментально здоровый человек на свете, но есть надежда, что я близок к этому. Было непросто, но все действительно кардинально поменялось, стоило только начать. Я хочу использовать возможность писать этот текст, чтобы сказать каждому, что не нужно бояться обращаться за помощью, что из любой ситуации есть выход, что нет никого в мире ценнее вас самих.

«Спустись с небес на землю», «Сними уже наконец розовые очки», «А жизнь и не должна быть простой», «Дальше будет только сложнее», «Ты просто еще наивный и глупый»… Лично я часто слышал эти фразы, и меня всегда раздражала эта идея: нельзя быть счастливым. Какая же глупость! Ну конечно, можно. Всем настоятельно рекомендую взять и надеть обратно розовые очки, потому что так гораздо интереснее. Можно подумать, что я говорю о самообмане, что нужно игнорировать все негативное, – нет. Дело в том, что мы сами определяем, какое это событие – негативное или позитивное. Мы сами каждый раз настраиваем цвет наших очков. Все равно до абсолютной истины мы не дойдем, не существует объективной истины. Мир вокруг вас отражает то, что у вас внутри. И если постоянно злиться, обижаться, то вас постоянно будут злить и обижать. А если относиться ко всему со спокойствием и любовью, то и вы будете спокойны и любимы.

Я убежден, что счастье – осознанный выбор каждого человека. Этот выбор не всегда бывает простым, иногда это долгий-долгий путь к внутренней гармонии, к любви и уверенности в себе, но этот путь гораздо увлекательней и продуктивней. Существует такая концепция, что после белой полосы в жизни обязательно наступает черная. Сомнительная зебра, если честно. Я долго жил с ощущением, что так и есть, что так должно быть. Но сейчас уверен, что можно иначе: белая полоса может быть всегда, все зависит от вашего отношения к миру. Нет никаких объективных обстоятельств, которые могут сделать нас несчастливыми. Черная полоса всегда у нас в голове, мы ее сами себе рисуем. А что, если сменить палитру?

Что такое призвание?

Маргарита Мухина,

лауреат Премии 2020 года в номинации «Русская словесность»

В прошлом году мне довелось стать лауреатом Премии имени Ю. Б. Пирятинского в номинации «Русская словесность». Изначально я отнеслась к Премии легкомысленно, но после того, как стала ее лауреатом, решила все-таки задуматься, что же значит название номинации?

Обычно словесность определяют как человеческое творчество, выраженное словами. Часто ее значение в искусстве в целом недооценивается, как и значение в жизни человека слов вообще: обычно их противопоставляют действиям. Кажется, это в корне неправильно, слова не могут заменить действия, как и действия не могут заменить слова – они должны дополнять друг друга. В конце концов, без слов мы бы никогда не узнали о множестве героических поступков или приятных мелочей в жизни человечества. Таким образом, без слов не может быть ни прошлого, ни будущего.

К сожалению, я не застала Юрия Брониславовича Пирятинского, но я много слышала о нем и много читала. Получается, именно благодаря словам многие из нас, в том числе и я, знают о том, каким был человек, в чью честь названа главная премия гимназии. Я читала, что Юрий Брониславович был подлинным носителем «духа красного здания» – духа порядочности, добра и неравнодушия. В жизни все эти качества сейчас настолько отходят на второй план, что замечается скорее их отсутствие. Это на самом деле очень грустно и в корне неверно, потому что именно эти качества составляют то, поиском чего заняты все ученики гимназии, – призвание.

Однако что же это такое? Призвание – это то, что получается лучше всего? Или то, что человеку больше всего нравится? Или и то и другое? Можно ли выработать призвание или это что-то врожденное? Получится ли как-то ускорить осознание своего собственного призвания или придется терпеливо ждать?

Наверно, наиболее точно будет охарактеризовать призвание как высшую степень единения человека с его профессией. Призвание – это то, что заставляет человека совершенствовать свои лучшие качества, чтобы помочь людям не только в той сфере, в которой специализируется человек, но и в любой другой.

Премия Пирятинского поощряет людей, нашедших свое призвание в словесности и в работе с людьми. Во многом это происходит потому, что сам Юрий Брониславович нашел свое призвание в педагогике. Его память увековечена в премии именно потому, что он мог делиться своей добротой, порядочностью и терпением – не только со своими учениками, но и со всеми, кто его знал. В красном здании сохраняются эти традиции: все дети и подростки учатся быть милосерднее друг к другу и к самим себе, помогать и проявлять участие ко всем, кто в этом нуждается. «Дух красного здания» живет и будет жить до тех пор, пока все ученики и учителя будут взращивать и поощрять в себе самые светлые качества. Несмотря на то что мир вокруг довольно жесток, эти люди создают вокруг себя теплую, душевную атмосферу. Очутившись в ней, любой человек может стать хоть немного лучше. И если он действительно этого захочет, ему обязательно в этом помогут. Чаще всего именно эту особенность гимназии и отмечают люди, вновь пришедшие в нашу школу: в такой благоприятной атмосфере гораздо легче найти свое призвание, ведь каждый из тех, кто тебя окружает, понимает, что и тебе, и ему это предстоит.

Так что для гимназистов призвание – это нечто большее, чем просто слово или просто профессия, которая доставляет удовольствие. Призвание – это способ жить. Именно жить, а не выживать: доверять людям, понимать их и принимать. В идеале призвание должен найти каждый человек, и гораздо лучше, если это произойдет в школьные годы. Именно эту возможность и дает наша гимназия. Благодаря таким талантливым людям, как Юрий Брониславович Пирятинский, у нее это получается.

Его жизнь была ненапрасной

Наталья СОКОЛОВА

(в школе – КОССАРЖЕВСКАЯ), выпуск 1984 года

Это мои воспоминания о самом лучшем учителе русского языка и литературы Юрии Брониславовиче Пирятинском.

Первая наша встреча состоялась, когда мы переходили из младших классов в четвертый класс средней школы и знакомились с учителями разных предметов. Когда дело дошло до русского языка и литературы, в класс красиво и грациозно зашел наш ЮБ.

Казалось бы, небольшая разница в возрасте – всего 12 лет – могла бы помешать его непререкаемому авторитету, но его голос, манера держаться и говорить сразу всех нас повергли в трепет. И буквально с первого его урока возникло уважение к нему как к учителю и как к человеку с сильным характером.

Невозможное множество раз он выгонял нерадивых учеников из класса, постоянно ставил пары за невыученные правила по русскому языку, но всегда только карандашом, чтобы потом не портить оценку в четверти. Часто бушевал как вулкан, но в то же время был за каждого из нас горой, всегда открыт к диалогу, всегда помогал, если было непонимание, возился с нами как наседка с яйцом.

Но особенно хочется рассказать истории, которые происходили вне школы. Помню, мы все поехали в трудовой лагерь – это был наш шестой или седьмой класс. Все мы участвовали в прополке овощных и фруктовых сельскохозяйственных культур. Весь день был строго расписан, и, конечно же, в 22 часа уже был отбой. Но в таком возрасте и при том количестве молодецкой энергии, которая в нас била ключом, мы и в своей палате продолжали болтать, смеяться и не спали до полуночи.

Что тут можно было предпринять нашим учителям? Можно было бы «включить» строгость и жесткость и даже дежурить у нашей палаты, сурово обрывая нашу болтовню. Но ЮБ пошел иным, более элегантным путем: каждый вечер после отбоя он приходил к нам в палату и в полной тишине и темноте читал наизусть потрясающие рассказы Эдгара По.

Учитывая, что его приятный баритон успокаивающе на всех действовал, а рассказы были крайне интересными, мы с таким вниманием и так тихо, как мышки, слушали его, что незаметно засыпали, и проблема с ночным отбоем была полностью решена.

Никогда не забуду этих вечеров в лагере. Конечно, только так, только своим примером учитель литературы может влюбить детей в чтение. Вернувшись из лагеря, мы все перечитали Эдгара По, а потом по совету ЮБ и Оскара Уайльда.

И еще одно очень личное воспоминание, которое осталось на всю жизнь. За мной в лагере ухаживал мальчик из класса постарше. И вот однажды, пропалывая очередную грядку с клубникой, которой конца и края не было, и будучи уже уставшей, я увидела огромный букет ромашек и хитро улыбающегося ЮБ.

– Это тебе от поклонника! – примерно так сказал Пиря, намекая мне на этого парня.

Конечно же, я прекрасно знаю, что у нас не было времени на сбор букета из ромашек и, значит, сам Юрий Брониславович собрал этот букет и припрятал посередине моей грядки, чтобы я его обязательно нашла…

При всей его внешней строгости в нем были неистребимые романтизм и лиричность. А еще он, как никто другой, зная подход к каждому из нас, мог поднять наш морально-волевой дух, потому что понимал, как мы там уставали, и в душе очень жалел нас.

И сейчас, спустя без малого 40 лет после выпуска из нашей родной красной школы, я могу с радостью и гордостью сказать, что у меня был такой потрясающий, незаурядный и незабываемый Учитель – Юрий Брониславович Пирятинский.

Я вспоминаю о нем очень часто, и каждый раз 22 ноября, в его день рождения, который совпадает с днем рождения моего папы, мысленно поздравляю его! Он оставил прекрасный след в моей жизни! Были ли в моей жизни кумиры? Наверное, нет, но люди, на которых хотелось бы быть похожей, конечно, были. Юрий Брониславович для меня именно такой человек! Если бы меня спросили, с чем или с кем он у меня ассоциируется, то я бы сказала – с костром. Он всегда горел внутренне и согревал всех, кто был с ним рядом. И его жизнь была очень яркой, потому что он сам был яркой личностью.

И самое главное, что его жизнь была ненапрасной, ведь она продолжится в наших знаниях, в наших душах, в нашей памяти!

Благодарю Вас, Юрий Брониславович!

«Это был такой учитель»

Анна АСТАНСКАЯ

(в школе – КОНОНОВА), выпуск 2001 года

Писать о человеке, которого очень мало знал, с которым всегда только здоровался, – ситуация максимально странная. Юрий Брониславович ничего у меня не вел, уроков не заменял, мне даже не довелось с ним общаться. Я просто его иногда видела, слышала о нем от других. А еще помню, как случайно, мимолетно поговорив с ним (уж не знаю, на какую тему), моя мама заключила, что наличие в школе такого педагога – гарантия качества учебного заведения. В общем, покорил ее Пирятинский, что удается… да почти никому не удается. Это все факты моего взаимодействия с ним.

Загадка, конечно, как при этом сложился внутри объемный, теплый, очень живой и конкретный образ. Хорошо сохранились в памяти интонации, голос (ну правда особенный), чуть хуже – внешний облик. Но это очень малая часть. Гораздо больше ощущается при вынимании из подсознания этого перекатывающегося, пассионарного словосочетания – «Юрий Брониславович».

Что он такое нес окружающим, что его помнят даже такие, как я, – вскользь знакомые? Понятно: обаяние, неформатность, искренность, уважение к детям и неумение скрыть презрение к глупости, язвительность… Но все это по большей части со слов других. А моя личная потребность помнить не своего учителя – она откуда?

Может, она складывается из того же, из чего и у более близких ему людей. Из удивления, сколько всего противоречивого может быть заключено в характере одного человека и как эта сложность сочетается с чем-то подлинным. Тех, в ком много намешано, достаточно. И правильные, искренние люди тоже есть. Но чтобы все это вместе – скорее редкость.

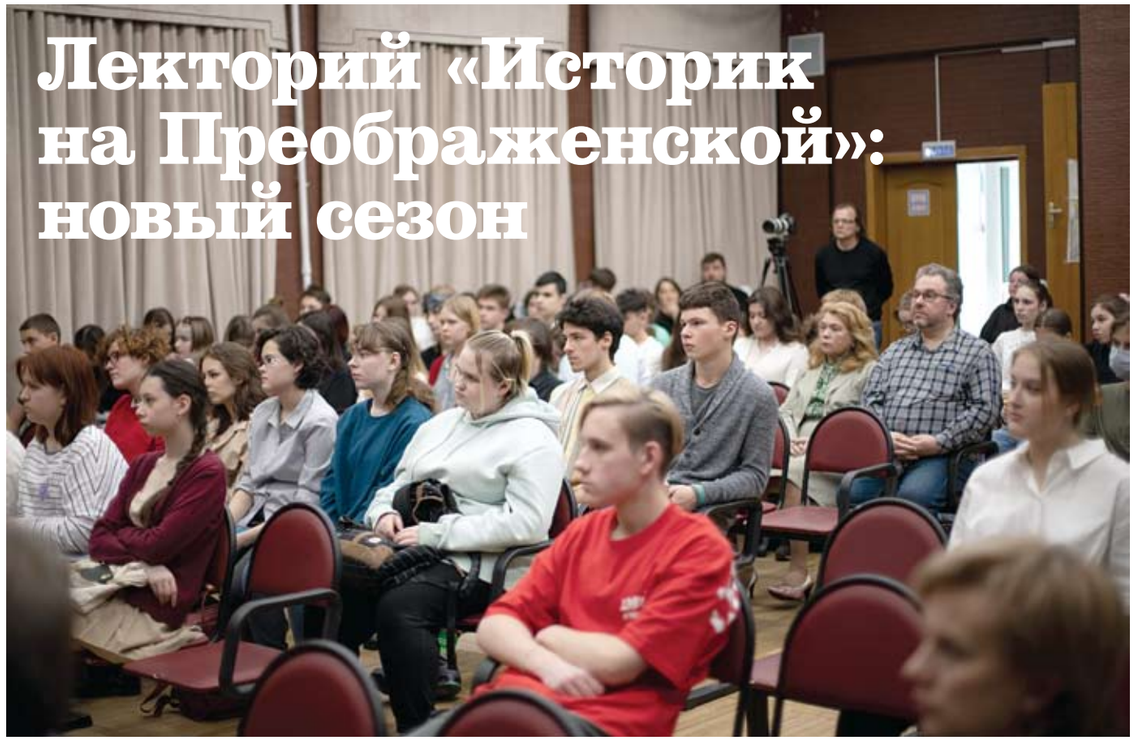
Утешительное осознание: можно быть сильно неидеальным, но при этом очень любимым, востребованным и верным себе. Возможно, это самый ценный урок Пирятинского. Наглядное пособие, как это – оставаться собой, не пытаться казаться, кто поймет – тот поймет.

Но, конечно, важно не просто хаотичное смешение разнополярного, а то, что в основе все-таки есть некий точный компас – без пошлости и подлости. Я не знаю, как и почему мне это стало понятно при столь эпизодическом общении с ним. Видимо, иногда для этого достаточно просто сказать друг другу «Добрый день» и услышать обрывочные рассказы из серии «Однажды он мне поставил четыре двойки за один урок, но это мой самый любимый учитель».

Память непредсказуемо замешивает свои и чужие впечатления, подгоняет их под личные потребности. Уже трудно выделить факты, остаются еле уловимые ощущения, и одно из них – если Юрий Брониславович так много дал мне, которая его почти не знала, то как же повезло тем, кто был его учеником, коллегой, другом!

И каким-то невероятным образом эта линия продолжается, и вот уже мой ребенок приходит из гимназии со словами: «А ты знала, что сегодня день рождения Пирятинского? Это был такой учитель. Нам конфеты давали». И мы говорим с ним о Юрии Брониславовиче – два человека, в сущности не знавшие его. Есть в этом что-то удивительное.

Лекторий «Историк на Преображенской»: новый сезон

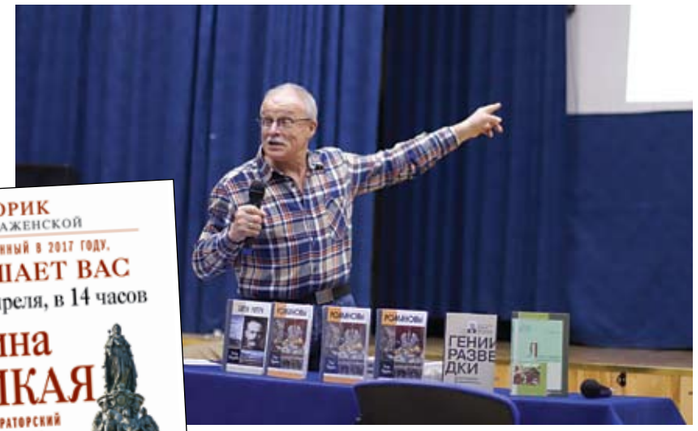


23 марта 2022-го, спустя ровно два года после введения ограничений в связи с пандемией COVID-19, возобновил свою работу лекторий «Историк на Преображенской». Организаторами лектория, основанного в конце 2017 года, выступают ГБОУ школа № 1505, журнал «Историк» и Общественная премия имени Ю.Б. Пирятинского.

Первую лекцию учащимся профильных групп старших классов прочитал кандидат исторических наук **Мурат Магомедович Куриев**. Тема лекции – «Это N. Неизвестный Наполеон Бонапарт» – напрямую перекликается со сферой научных интересов лектора. За последние три года им написаны и опубликованы сразу три книги, посвященные эпохе Наполеоновских войн: «Ватерлоо. Битва ошибок» – о самом знаменитом сражении XIX столетия, сыгравшем роковую роль в судьбе императора Франции; «Это N», которая представляет собой авторское прочтение биографии Наполеона; «Железный герцог» – биография победителя Бонапарта, выдающегося британского полководца и государственного деятеля Артура Уэлсли – первого герцога Веллингтона (1769–1852).

Лекция продолжалась менее часа, и примерно столько же Мурат Куриев отвечал на вопросы аудитории. «Я получил огромное удовольствие! Полный зал! И как они меня слушали! Я видел их лица, им было интересно, правда. А вот что меня поразило – вопросы. Тянули руки, отвечал сорок минут. Спрашивали бы и дальше. Мне было очень приятно. Есть, есть хорошие…» Такой очень лестный для наших гимназистов отзыв оставил Мурат Куриев на своей страничке в соцсети.

Стоит добавить, что старшеклассники, задавшие лучшие, по мнению лектора, вопросы, получили призы от журнала «Историк» и Общественной премии имени Ю.Б. Пирятинского. В частности, девятиклассник **Давид Айзенберг** стал счастливым обладателем 600-страничной книги Мурата Куриева «Это N» с автографом автора; книгу «Железный герцог» – также с автографом – получил **Сергей Семенов** из 10-го класса, который, как выяснилось из его вопроса, книгу «Это N» уже успел прочесть. Обладательницей «Путеводителя по пушкинской Москве», написанного известным москвоведом Александром Васькиным, стала **Анна Жукова** из 11-го. Биографию короля Ричарда III, вышедшую в серии «Жизнь замечательных людей», получила **Ксения Завальнюк**, а книгу о нелегкой и героической судьбе советского разведчика Рихарда Зорге – **Тимофей Цибин** (оба из 9-го класса). Среди подарков был и специальный номер журнала «Историк», посвященный 200-летию Федора Достоевского.



Отрадно, что среди слушателей возобновленного лектория были и гости из московской школы № 1465 имени адмирала Н.Г. Кузнецова.

Вторая лекция в рамках лектория «Историк на Преображенской» состоялась 8 апреля. Ее тема – «Екатерина Великая и императорский двор ее эпохи». Лектор – доктор исторических наук, профессор РГГУ **Игорь Владимирович Курукин**, постоянный автор журнала «Историк», известный специалист по истории России XVIII столетия. Его перу принадлежат биографические издания «Екатерина I», «Анна Иоанновна», «Бирон», «Анна Леопольдовна», «Княжна Тараканова», «Романовы», вышедшие в серии «Жизнь замечательных людей», а также ставшая классической монография «Эпоха "дворских бурь"», посвященная дворцовым переворотам XVIII века.

Не обошлось без подарков тем, кто задавал наиболее интересные вопросы, и в этот раз. Прежде всего, это книга Игоря Курукина «Романовы» из серии «Жизнь замечательных людей». Ее получили **Анастасия Бочарова** из 11-го класса, **Михаил Разумовский** и **Елизавета Родикова** из 8-го. Одиннадцатиклассники **Максим Боднарь** и **Белла Айзенберг** получили книгу Николая Долгополова «Гении разведки» и книгу Бориса Романова «Люди и нравы Древней Руси» соответственно. Девятиклассница **Анна Чумакова** стала обладательницей книги Леонида Юзефовича «Барон Унгерн». Кроме того, все активные участники мероприятия получили специальный номер журнала «Историк», посвященный эпохе 1990-х.

Следующие встречи с профессиональными историками в рамках лектория «Историк на Преображенской» состоятся уже осенью. В планах организаторов – темы, связанные с историей петровских реформ и личностью самого Петра I, Карибским кризисом 1962 года, эпохой позднего СССР и др. Мы будем рады вашим предложениям относительно тематики будущих лекций – присылайте свои мысли по этому поводу на адрес: premia-1505@yandex.ru. Самые интересные предложения мы также намерены поощрять книжными подарками. До новых встреч в лектории «Историк на Преображенской»!

Участвуйте в Пирятинской премии!
Читайте журнал «Историк»!
Учитесь в 1505!

ИСТОРИК

УЧРЕДИТЕЛИ ПРЕМИИ ИСКРЕННЕ БЛАГОДАРЯТ:

Вадима Александровича ТЕРЕХОВА и **Арсения Александровича ЗАМОСТЬЯНОВА**
за то, что они взяли на себя труд внимательно прочитать и доброжелательно отрецензировать тексты, номинированные на соискание Общественной премии имени Ю.Б. Пирятинского;
Екатерину Николаевну КОПЫТ и **Марию Владимировну МАЛИНОВСКУЮ** за замечательные фотографии, сделанные специально для этого издания;
выпускников и их родителей, сотрудников и друзей гимназии, в разное время поддержавших и до сих пор поддерживающих премию:
Марию Андрееву (Бардукову), выпуск 2000 г.; **Андрея Балинского**, выпуск 1998 г.;
Алексея Баукина, выпуск 1999 г.; **Илью Бера**, выпуск 1998 г.; **Ирину Валерьевну Бурикову**;
Наталью Варако (Загянскую), выпуск 1992 г.; **Сергея Говорова**, выпуск 1998 г.; **Александра Давыдова**, выпуск 1986 г.;
Екатерину Давыдочкину, выпуск 2002 г.; **Наталью Егорову**, выпуск 1989 г.; **Валентина Жмуркина**, выпуск 1992 г.;
Екатерину Канаеву (Сергиенко), выпуск 1992 г.; **Дмитрия Карцева**, выпуск 2003 г.;
Юлию Коршакову, выпуск 2000 г.; **Дмитрия Кухтина**, выпуск 1994 г.; **Юлию Лукьянову (Иванекину)**, выпуск 1998 г.;
Александра Мацука, выпуск 1985 г.; **Алексея Орловского**, выпуск 1994 г.; **Василия Панкратова**;
Александру Панкратову (Азовцеву), выпуск 2010 г.; **Марину Юрьевну Папанкину**;
Андрея Петухова, выпуск 1999 г.; **Григория Петушкова**, выпуск 1996 г.; **Марину Полетаеву**, выпуск 1986 г.;
Светлану Пороскову (Калинину), выпуск 1992 г.; **Владимира Рыбина**, выпуск 1998 г.;
Екатерину Ряхину, выпуск 2002 г.; **Ирину Юрьевну Савкину**; **Анну Ситас**, выпуск 2000 г.;
Максима Слешина, выпуск 1992 г.; **Ирину Владимировну Сотникову**; **Андрея Столярова**, выпуск 2000 г.;
Наталью Токсанбаеву, выпуск 1994 г.; **Бориса Федякова**, выпуск 1990 г.;
Юлию Чечик (Козыреву), выпуск 2000 г.

УЧРЕДИТЕЛИ ПРЕМИИ:

Борис Веденский, выпуск 2003 г.;
Матвей Геллер, выпуск 1985 г.;
Светлана Гончарова, выпуск 1985 г.;
Светлана Ищенко, выпуск 1989 г.;
Ольга Колчугина;
Михаил Левит;
Глафира Леонова, выпуск 2010 г.;
Антон Молев, выпуск 1995 г.;
Владимир Рудаков;
Елена Серова, выпуск 1993 г.;
Ольга Смирнова, выпуск 1985 г.;
Алексей Фалько, выпуск 1992 г.;
Григорий Шандалов.

Над номером работали
Редактор: **В.Н. Рудаков**
Верстка: **Н.Е. Пыльнева** (журнал «Историк»)
Корректура: **Е.Е. Леонтьева** (журнал «Историк»)
Тираж: 150 экз.

Пирятинская премия – это **частная инициатива,** осуществляемая на личные средства тех, кто поддерживает идею присуждения Премии.
ВЫ МОЖЕТЕ ПОДДЕРЖАТЬ ОБЩЕСТВЕННУЮ ПРЕМИЮ имени Ю.Б. ПИРЯТИНСКОГО,
переведя любую сумму в премиальный фонд:
карта VISA (Сбербанк) 4276 3800 5842 4339;
телефон: 8 985 774-38-90;
казначей премии – **Гончарова Светлана Витальевна** (выпуск 1985 г.).